

Татьяна Нелюбина

НОША

Татьяна Нелюбина

Ноша

**Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36066991

Ноша: Алетейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-906980-62-5

Аннотация

Берлинец Аксель, преподаватель славистики, женат на Людмиле. Счастливый отец и уже дед, он не понимает, почему его семейное здание зашаталось. Неужели из-за политики? Но политика – зыбкая область дискуссий, а прочный брак?.. Не любит он это слово с двойным значением. Будто в браке уже заложен брак.

Содержание

I		6
	Людмила	7
	Аксель	17
	Людмила	22
	Аксель	27
	Людмила	34
	Аксель	42
	Людмила	48
	Аксель	53
	Людмила	55
	Аксель	56
	Людмила	58
	Аксель	59
	Людмила	60
	Аксель	65
	Людмила	66
	Аксель	75
	Людмила	76
	Аксель	83
	Людмила	84
	Аксель	87
	Людмила	89
	Настин рассказ	92

Людмила	112
Аксель	117
Людмила	120
Аксель	128
Людмила	130
Аксель	134
Людмила	135
Аксель	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Татьяна Нелюбина

Ноша

© Т. Нелюбина, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

I

Декабрь 2016

Людмила

Мы тут в Берлине уже все перегрызлись – украинцы с русскими, западники с патриотами, демократы с альтернативщиками¹, хоть на улицу не выходи. Дома сиди!

Но и дома не посидишь – муж достал! Разведусь! А что? Многие развелись или разводятся.

Ещё и бриксит случился.

Потом – Трамп.

Про Сирию уж не говорю.

А началось всё с Олимпиады.

– Не, – сказала подружка. – Раньше.

Вот видите? Уже и с подругой нормально не поговоришь, любое замечание принимает в штыки.

Ну, может, и не с Олимпиады, но меня муж начал доставать конкретно с неё.

– Ненаглядная! – кричал муж. По-русски. Он немец. – Ты была моя ненаглядная, а теперь стала наглядная!

Я прыснула. Глупо, конечно. Типа «наглядная агитация». У него проблемы с нашей частичкой «не».

Он тощенький, длинный, а я...

Я выскочила и припустила, насколько позволяли лишние килограммы, по улицам. Приземлилась в кафе. Не внутри, а снаружи, где мёрзли курильщики. Заказала кофе. Укута-

¹ AID – партия Альтернатива для Германии.

лась в плед. Зажигалку нашла, сигарет нет. Здесь не принято сигареты стрелять. А, плевать, попросила. Поблагодарила. Затянулась. Тошно. Холодно. Мерзкий декабрь, то дождь со снегом, то снег с дождём. Кому рассказать, никто не поверит.

Кому рассказать?

Проклятье, и телефон не взяла. Сыну бы позвонила.

Сынок у меня ничего. Копия папы. Не моего, к сожалению, своего.

Разведусь!

Да, разведусь с ним, достал, надоело!

Не кипятись.

Легко сказать: не кипятись! Достал меня Украиной! Что у них там перманентный майдан, это ладно, но Олимпиада в Сочи при чём? Мы смотрели её по немецким каналам, российские почему-то нам её не транслировали. Смотрим мы Олимпиаду, и вот я замечаю, тут что-то не то. Про геев почему-то заговорили. Я у мужа спрашиваю, о чём они? Муж отвечает, что Путин однополые браки запретил. Я не понимаю, причём здесь это? Ведь запрещают то, что было разрешено? А ведь не было. Вот интересно, а почему тогда про Францию не говорят? Когда правительство хотело браки разрешить, французы вышли на улицы – не допустят такого! Мне подружка француженка рассказывала, она тоже за сохранение традиционных устоев. Ну, дальше смотрим Олимпиаду, радуемся достижениям спортсменов, я – русским достиже-

ниям, муж – немецким. Красота! Но открытию Сочинских олимпийских игр мы радовались вместе – грандиозно, ново, поразительно, волнующе, удивительное зрелище! Но вот какие-то горы мусора стали показывать, свалки на стройплощадках, покосившиеся хибарки. Что-то не припомню, чтобы всё это показывали, когда транслировали Олимпиаду в Афинах. А в Греции, кто там был, знает, мусорных гор по одной на квадратный метр. Согласно, утрирую – по одной на квадратный километр. Да вот что-то ни одной не показывали!

Но вот немецкие спортсмены собираются в студии, и модератор задаёт им наводящие вопросы. Даже не наводящие, а такие, прямой наводкой:

– Вам тут в Сочи неуютно живётся, сидите на ограждённом участке, с исконным населением не общаетесь.

И микрофон подставляет одному из немцев-олимпийцев. А тот отказывается чушь подтверждать, всё хвалит, всё ему нравится, про русскую старушку рассказывает, как она ему подарила матрёшку на память, такая сердечная, как и все русские, с которыми ему доводится каждый день встречаться. У модератора лицо, будто лимон съел.

В общем, одни сплошные придирки. Я ещё подумала, ой, как им завидно, что у нас всё так замечательно получается. Что ни день, победа! Что президент Гаук по каким-то своим причинам на Олимпиаду не приехал, его дело, что канцлерша Меркель своих спортсменов не приветствовала, потому что тоже не приехала, её дело, хоть и странно мне всё это

было.

Сейчас и не припомню, каких ещё гадостей тогда наговорили, но самая пакостная была такая – рано утром муж, послушав свои новости, вбежал в спальню:

– Вся ваша сборная, все ваши золотые чемпионы были... под наркотиками!

– Да брось, – я только посмеялась, и вечером выяснилось, что это была всего лишь «утка».

Тогда. А потом из этой «утки» такое раздули! Отстранили наших спортсменов от всех последующих чемпионатов-олимпиад, паралимпийцев дисквалифицировали.

Я расплатилась за кофе и побрела по Шлоссштрассе, которая переходит в Райнштрассе, та – в Хауптштрассе. Улица-то одна, только у неё на отдельных отрезках названия разные. Эта улица издавна связывала Берлин с Парижем на юге и с Кенигсбергом на севере – Bundesstraße 1.

Теперь не связывает – напрямую не связывает, теперь виза нужна. В 1945 году Кенигсберг был передан под юрисдикцию СССР, в 1946 переименован в Калининград.

Да, подружка права, не с Олимпиады всё началось, а ещё раньше – с лета, когда Москва приютила Сноудена. Просто я этих перемен не замечала.

Как слепая жила!

А сейчас и того хуже. Глухонемой хочу стать! Не слышать, не знать! Сирия, беженцы, бриксит, Трамп.

Обама, хромая утка, в Берлин притащился. Центр оцепи-

ли, не пройти, не проехать три дня. Мне-то ладно, я не в центре живу, но почти. Из окна телевышку видать. Чего опасаются, террористов? Демонстрантов, как в Афинах, куда он поначалу нагрязнул? Зачем? Убедиться, что колыбель демократии ещё не рассыпалась?

А в Берлине никто не вышел на улицы. Здесь его любят. До сих пор. Здесь он душой отдыхал. На пресс-конференции заявил... я ушам своим не поверила, но поверить пришлось, я думала, как тут говорят, *mich tritt ein Pferd, лошадь меня копытом ударила.*

В самую грудь. Он, оказывается, эти восемь лет... демократию в мире распространял.

Я взвилась.

Муж – тоже:

– *Вы* о нём ещё с благодарностью будете вспоминать!

Ирак, Сирия, беженцы, хаос...

То есть что получается, а? Идея выше человеческой жизни?

Мы это уже проходили! Советский Союз тоже глобальную идею в мире распространял – социализм.

СССР больше нет, теперь они *свою* идею проталкивают. Опять цель оправдывает средства?

Опять с мужем в пух и прах разругалась.

Опять тащила по нашему Штеглицу. До соседнего Шёнеберга дотопала. Мы живём на самой границе между этими берлинскими районами. Давно живём. Но досконально я их

изучила за последние два года, когда, как сейчас, скиталась по улицам. Чтобы успокоиться после наших разборок. Мы же с ним по всем вопросам расходимся.

Расходимся, расходимся, разойтись всё не можем.

Я же надеялась, он со временем сам во всём разберётся.

Но не тут-то было. Как Крым наш стал, он перестал думать самостоятельно, повторяет то, чем их немецкие медиа пичкают.

Что тогда было! Брат позвонил:

– Крым наш!

Безумно радовался, хотя раньше говорил: «Зачем нам Крым? Одни проблемы».

– Я по Крыму соскучилась, – сказала его жена. – Давно там не была. А в детстве мы туда каждый год ездили. Геленджик, Ялта, Евпатория, Гурзуф. «Артек».

А мой Аксель (муж) Третью Мировую войну ожидал. В том году 100 лет исполнилось, как началась Первая.

Илья, племянник, тоже был мрачно настроен. Я спросила, как у них дела?

– Плохо, – сказал он. – Снова холодная война, железный занавес. Такая пропаганда ведётся массированная.

Я сказала, что здесь тоже ведётся. Всё в России, если верить немецким журналистам, не то и не так, и те русские, которые выходят на улицы, чтобы продемонстрировать свою солидарность с Крымом, выходят поддержать «режим», ведь они всего лишь «масса, привыкшая к подчинению и выпол-

няющая волю власти».

Ничего нового в таких утверждениях нет – привычная пропаганда. Ведётся уже много веков, Европа расписывает свою картину о России и русских, не жалея чёрной краски.

Правда, во времена Горбачёва преобладала радужная палитра.

И, будто всю её изведя, Европа вернулась к мрачным цветам. Снова их щедро выплёскивает – идёт отвратительное промывание мозгов, факты подтасовываются до такой степени, что порой не знаешь, плакать или смеяться.

Потом позвонил папа.

– У вас в Берлине весна? – спросил.

– Весна! Нарциссы, тюльпаны лезут. А у вас?

– У нас холодно. Снег выпал.

– Как настроение?

– Двойственное. С одной стороны, радуемся, что Крым наш, с другой... страшно, конечно. Но мы надеемся, что политики всё же договорятся.

Эти два года... почти уже три... как мы их вынесли? Как три десятилетия прошли.

Я заглянула в кондитерскую. От пирожных решительно отказалась, взяла чай, села за столик у батареи, полистала прессу. Аксель (муж) читает газету *Tagesspiegel* (каждый день) и журнал *Spiegel* (раз в неделю). Я туда, естественно, тоже заглядываю. Чтоб быть в курсе, о чём врут немецкие медиа. С победы Трампа врут конкретно о: нём (какой он

бьяка) и Сирии (как войска режима и российские самолёты губят детей, женщин и умеренную оппозицию).

Как меня это бесит.

А ведь Аксель поначалу очень поддерживал наши операции в Сирии. Теперь поёт как и все. И, понятно, как все, ополчился против Трампа.

И дался им Трамп. Образцовый капиталист. Воплощение американской мечты – успех, красавица жена, много детей. Уж как его ни обзывают, ни поливают.

Они так к Обаме привязаны. Медиа, я имею ввиду. О читателях такого не скажешь, если их отзывы считаешь. Это первое, что я читаю, и радуюсь, когда мнения немцев совпадают с моим.

«Обама и Меркель, – написал Дитмар из Кемница, – восхваляют друг друга, воскуривают фимиам, и наши медиа им вторят. А основание для этого есть? Мир за время их правления стал не лучше, а хуже. Евросоюз демонстрирует признаки разрушения; разрыв и напряжённость с Россией больше, чем в Холодную войну; национализм в большинстве стран на марше; террористические атаки крайне усилились; в Средиземноморье всё так же гибнут беженцы. Голову надо посыпать пеплом, а не курить фимиам».

Под каждым словом подписываюсь.

Я подождала, пока чай настоится, вынула пакетик, положила два сахара, решила: эх!., и ещё два положила. Может, когда-нибудь и посажу себя на диету, но не сейчас, не зимой.

Настрадаешься, исхудаешь, а толку? Рождество грянет, гуся есть будем (если до рождества не разведусь), а там и оливье и прочие новогодние вкусности... и православное рождество... и Старый Новый год... Я встала, прошла к продавщице, попросила творожник. Со сливками.

Ой, вкусно!

И с удовольствием прочла ещё одно письмо. Хайнц из Бад Райхенхалль тоже круто высказался::

«Вот простились два политика, которые на открытой сцене с помощью взаимных похвал вселяли мужество друг в друга. Но что они оставили миру? Во внешней политике Обама не сумел смягчить последствия войн своего предшественника Буша на Ближнем Востоке. С преждевременным выводом войск из Ирака он создал свободное пространство для исламского государства. Вместо того, чтобы своевременно начать поход против ИГ, он, с помощью НАТО, создал вооружение на границах с Россией. Ну, теперь Европа может позаботиться о потоках беженцев. И его высоко расхваливаемая канцлерша своим своевольным решением вопроса о мигрантах направила поток в нашу страну».

Приятно сознавать, что не все немцы думают, как мой мужёк (пока ещё мой).

Я закрыла журнал и глянула на обложку – на ней, само собой, Трамп.

И вдруг до меня дошло, почему они его все чихвостят, а я читаю и слушаю и не понимаю, почему. Меня достали неко-

торые деятели, как русские так и немецкие ходоки по политическим передачам, своими инсинуациями про либеральные ценности. Свобода слова, кричат, демократия и прочее. Про гуманизм забыли. О том, что в центре всего стоит человек, вовсе не вспоминают. И вот сегодня, сейчас, конкретно в эту секунду, до меня дошло, почему они так цепляются за неолиберализм. Неолиберализм прикрывает красивыми словами капитализм. Это последняя идеологическая система, которая уже на ладан дышит, ведь другая – социализм – уже почти отдала богу душу.

А без идеологии как? Как людей оболванивать и держать в узде?

И на Трампа потому взъярились – образцовый капиталист отбрасывает красивые слова о демократии и свободе.

Мне три года понадобилось, чтобы хоть это понять.

Аксель

Пришла.

Вернулась!

Закрылась у себя: не входи.

Не войду!

Ну, вспылел. Сказал что-то, не помню, что, обидел. Но сбежать-то зачем? Сядь, объясни всё спокойно, по пунктам: так и так, ты не прав. Дай и мне возможность объяснить по пунктам, в чём ты не права. И не ссора, дискуссия будет.

А она сбежала.

Нет, что я сделал?

Свою точку зрения изложил. Всего-то! Имею право на свою точку зрения? Не при диктатуре живём, в демократии. Убеди меня, что я не прав. Или согласишься принять мою точку зрения, а сама при своей оставайся, кто же мешает.

Ну, как-то вот так.

Как-то вот так, в общем.

Нет, ну что за привычка – сбежать, а потом у себя запи- раться?!

Мне к лекции надо готовиться. Мы с Людмилой слависты. Только я на работу мотаюсь – преподаю, а она дома сидит – переводами занимается.

Постучать к ней, спросить: ужинать будем?

Не откроет.

Извиниться? Не знаю, за что?

Тема лекции: демократия.

Мне эссе интересное попало, не успел проштудировать, где оно? Я порылся в стопке журналов, нашёл. Прочёл по диагонали. Муть какая-то. Европе не демократии нужно побольше, нет, Европе нужна оборона, защита. Как будто великая опасность грозит ей извне. Но не Россия угрожает сегодня Евросоюзу, а он сам себе угрожает сильнее всего. И причина тому – всё больший разрыв между гражданами и Брюсселем. Пришло время, когда граждане сами должны решать наши дела. Каждые пять лет бросать записочку в избирательную урну – недостаточно. А где европейцы могут получить всю возможную информацию, чтобы совместно ангажировать и вместе определять своё будущее? Где граждане могут взять в свои руки судьбу общества? Уж точно не в избирательной кабине.

Мы должны вернуться к центральным принципам афинской демократии: мы должны кидать жребий.

Я засмеялся. Жребий! Хотел жене прочитать, вспомнил, что мы в ссоре, не мог вспомнить, почему, снова в работу погрузился.

В древних Афинах большая часть общественного устройства определялась путём жеребьёвки. Княжества в ренессансе, такие, как Венеция и Флоренция, тоже кидали жребий и тем самым обеспечивали стабильность на долгое время.

Жеребьёвку вернуть?

Идея состоит в том, чтобы часть населения, избранная по воле, углубилась в проблему и приняла достойное решение. Люди, достаточно информированные, действуют разумнее, чем всё не информированное общество.

Да?

Ах вот как?!

Я походил, постоял, посидел, тупо не вникая в тему. Возьмём ту же Ирландию. Ирландия – самая инновационная демократия Европы. Там путём жеребьёвки избрали сотню граждан в Народное собрание. Ирландия доверяет своим гражданам, доверяет, а не боится их.

Народное собрание выдвинуло свои предложения, и затем было проведено голосование на национальном референдуме. Это случилось впервые в истории современности – были внесены изменения в конституцию благодаря группе случайно избранных граждан. Так функционирует демократия XXI века.

Почему бы не организовать нечто подобное и в Евросоюзе? Каждая страна избирает путём жеребьёвки по сто граждан, и они в течение четырёх дней совещаются по одному большому вопросу: как сделать Европейский Союз до 2020 года демократичнее? Участники, как в Португалии, так и в Эстонии, получают одну и ту же информацию. Каждая страна формулирует десять предложений. Через три месяца делегаты, избранные жеребьёвкой, собираются в Брюсселе, чтобы составить окончательный список из важнейших пунк-

тов будущей политики.

Вот собственно в чём суть эссе...

Ну... это же перебор... или? Что-то уж чересчур новенькое... которое, как мы знаем, хорошо забытое старенькое...

Возможно, я пессимист. Жена, во всяком случае, так и считает. Она-то – оптимист. Она бы наверняка все эти предложения одобрила. Ведь это сулит настоящие изменения.

Лично мне никаких изменений не надо.

Они только к худшему приведут.

И так, как я, думают многие граждане, ведь рейтинг Меркель снова растёт. Она выведет нас из любых затруднений, в которые сама же и завела. Кому ещё, если не ей? Она, а не граждане, всё решает. За нас.

Автор же – автор эссе – явный романтик. Верит, что граждане определяют будущую повестку дня, сумеют провести изменения снизу наверх.

Граждане сформировали бы новую Европу?

Это возможно?

Возникла бы новая динамика между странами Евросоюза и Брюсселем.

Демократия, так заканчивалось эссе, это не только господство народа и господство для народа, она и господство посредством народа.

Я удивился – господство?

Что-то в наших мозгах не то.

Ну... И что?

Я включил компьютер и взялся за лекцию. Писал и прислушивался. Вышла? Чемодан собрала и ушла?

О нет, нет, не уходи!

Я же люблю тебя... безответно!

Людмила

Аксель уехал, и я окончательно проснулась.

По-царски позавтракала. Как говорит моя мама: завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу. Я так и делаю, а вес, что ни день, прибавляется.

Аксель не завтракает, только пьёт кофе, а вечером ест за двоих. И – как жердь, худой. Не в коня корм.

Сын и невестка плотненькие, внук на аппетит не жалуется, но тощенький.

Когда его приводят ко мне – а чаще всего приводят спонтанно, без долгосрочных каких-то планов, – я впадаю в форменное уныние. Снова рано вставать, рано ложиться, никакого порядка. А тут ещё муж зудит. Свои воспитательные методы мне навязывает. Внук – бывает же такое! – очень на него смахивает. Серьёзный товарищ.

– Люся, – говорит удивлённо, – ты так по-научному мою мысль объяснила, даже я бы так не смог!

Пять лет пострелёнку! На днях исполнилось.

У моей подружки – внучка. Вся из себя девочка-девочка, бусы навешивает, на каждый пальчик – по колечку, накидки надевает, платочки, короны, такая прелестная! А мой... молоток, плоскозубцы, кусачки, я и слов таких не знаю, в словарь то и дело заглядываю: Hammer, Flachzange, Weißzange. Если гуляем, то он – полицейский, строго следит, чтобы

я правила уличного движения соблюдала. Втолковывает на каждом перекрёстке:

– Сначала налево смотри, потом направо, даже когда загорится зелёный, смотри обязательно.

– Налево пойдёшь, – внушаю, – коня потеряешь, направо пойдёшь, смерть найдёшь, а прямо...

– Люся, – он бровки хмурит, – ты опять за своё.

Не хочет приобщаться к сказкам. Ни в какую.

А я гвозди не хочу забивать или из себя добропорядочного пешехода разыгрывать.

– Пойдём-ка, мой друг дорогой, прямо.

– Ну хорошо. Только сначала налево погляди, а потом направо.

– Уговорил.

Мы добрались до детской площадки и надолго там приземлились. Он в машину забрался, рулит, фыркает, «мотор барахлит», кричит, того и гляди гаечный ключ потребует, а где я его возьму? Я устроилась на скамейке, но недолго сидела, холодно.

– Пойдём, Мить?

– Пойдём. Я буду полицейский, а ты будешь моя полицейская машина.

– Кто я, блин, буду?

– Когда ты говоришь «блин», ты сердишься.

– Да?

– Да. Поэтому не говори.

– А ты мне не говори, что я машина!

– Полицейская.

– Ладно, уговорил.

По комплекции я вполне сойду за машину. Похудеть что ли? Да что я, с ума сошла, йогуртами питаться? С утра наварила борща, они есть будут, а я – слюнки пускать? Да я совсем тогда озверею, загрызу мужика, что он всю вину на мою Родину валит. За всё! Во всём Россия одна виновата! Уже и Третью мировую войну ожидал! По нашей вине! Заранее, наверное, труса праздновал. Кто кому накостылял во Второй? То-то же.

– Аксель! – закричал Митька и бросился к деду.

Дед, длинный, худой, раскинул руки, подхватил внука. Оба голубчика так и сияли.

И что-то мне так жалко стало его... Но это всегда так, когда внук с нами. Мы, когда внук с нами, все условия перемирия соблюдаем. Митька, наблюдательный парень, даже как-то сказал:

– С дедушками-бабушками лучше, чем с родителями, они спокойнее.

Я все его меткие замечания записываю. И родителям советую, но им некогда. Эту Митькину мысль я им не озвучила, ещё обидятся.

Папа, мы с ним по скайпу говорим каждый день, позвал маму, и они выслушали подробный Митькин отчёт про полицейского и машину. Потом поделились своими новостями,

а под конец папа свой сон рассказал.

Он будто бы включил телевизор и увидел на экране Обаму. Тот про санкции против России говорил. Вдруг замолчал. Флаг за его спиной всколыхнулся.

Лицо у Обамы печальное.

– Граждане мира, – обратился он к нам. – Граждане Америки... я не выполнил своих обещаний. Я хотел, но мне не дали. Те, кто действительно правит страной, – не дали. Я не стану называть их фамилий, они и так всем известны. Я – всего лишь марионетка в их руках. Поэтому и слагаю с себя все полномочия.

Фрау Меркель в испуге тарашится.

Растроганный Путин тоже выступает перед народом:

– Граждане мира! Граждане России! Граждане Крыма! Уж на что два таких разных человека, как Кеннеди и Хрущёв, смогли договориться, не допустили... ну тогда, на Кубе. А мы тогда были на волосок от Третьей войны.

Ну и мы договоримся! Не будет гонки вооружений!

Не стану вспоминать и про Горби, который вывел наши войска отовсюду, поверив обещаниям Запада не расширять зону НАТО, но слово они не сдержали...

Папа проснулся.

И очень пожалел, что сон свой не досмотрел.

А сейчас подумал, уж не провидец ли он, ха-ха? Сон-то ему давным-давно приснился! А Третьей войны не случилось. Политики договорились между собой!

Обама, правда, свой пост не покинул, но теперь-то ушёл. А когда его избрали, мы рукоплескали.

Аксель закивал:

– Ещё очень рано оценить его достижения, но я верю, что во главе США долгих восемь лет был чувствительный человек.

Господи!

– И долгих восемь лет во главе ФРГ – чувствительная женщина, – папа мне подмигнул. Он у нас человек с юмором. Тонким настолько, что Аксель не врубается, о чём речь. Папа подарил мне календарик анекдотов с приколами, так Аксель ещё ни один прикол, ни одного анекдота не понял.

Аксель

Мы, конечно, шокированы. Помню, пока ждал электричку, дамы на скамейке предвосхищали события:

– О, замечательно будет – три женщины станут править миром! Меркель, Мэй и Клинтон!

Их ожидания не сбылись. Но Клинтон не сдаётся, на что-то надеется, признаётся: я стала жертвой общей уверенности, что меня изберут.

Я в электричке не сажусь. Чтобы не вставать. Встанешь, место уступишь, а женщина оскорбится. По многим причинам или по какой-то одной:

что я её за старушку держу;

что нарушаю её *право неравноправие*;

что я...

Я езжу в Потсдам, преподаю в университете славистику. Преподаю, а не дискутирую. Устал отстаивать свою точку зрения и считаться с чужой! Молчу. Молча всех слушаю. Молчаливым стал. Дома. На работе. В гостях. Про Украину вообще больше ни слова.

Про неё, впрочем, медиа будто забыли, молчат в тряпочку. А раньше что было! С утра и до ночи. Я за завтраком слушаю новости по радио, по каналу «Kultur», где единственная, на мой взгляд, здравомыслящая команда. Я один завтракаю, Людмила любит поспать. Когда это всё началось, пом-

ню, одна фрау из партии зелёных, член Европейского парламента, распространялась про «Русскую империю» и про «забитых русских», которые ну ни в чём без её советов не разберутся.

– Русская империя, – вещала фрау, – вмешивается в дела Украины!

Ей возражал господин профессор Гумбольтского университета:

– Конфликт начался не вчера и не внезапно. Пять лет назад, когда пошла речь о включении Украины в ЕС, Россия была отстранена от обсуждений, исключена из диалога. Россия! Которая больше всех остальных заинтересована в делах своего соседнего государства.

– Но украинцы, – талдычила фрау, – не хотят попасть в русскую империю, они настроены на европейскую демократию, на наши ценности!

– И русские настроены, – заверял профессор, – и мы, и вы, как и вся интеллигенция, но население состоит из крестьян, рабочих...

– Я не из интеллигенции, я как раз из...

– ...и учитывать настроение всех слоев населения – необходимо. Но западная политика привела к тому, что сейчас происходит. Политические лидеры сами преподнесли Путину решение на блюдечке с голубой каёмочкой, и теперь его поддерживает большинство русских, ведь затронуты не только их интересы, но их гордость, достоинство, самосознание.

Вот к чему привело неуважение к ним.

Фрау гнула своё:

– Но Украина сама должна определиться...

– Сама? Белград бомбили – будто так и надо. Косово, тысячелетием связанное со своей страной, отделилось под «всеобщее одобрение». Чехословакия разделилась. Вскоре Шотландия воспользуется своим правом на самостоятельность. Надо понять русскую сторону – не только сторону Путина, но и либерально настроенных русских.

Этот профессор – смельчак. Я вспомнил о нём, потому что знаком с ним лично и потому, что в глубине души, в самой-самой глубине души, разделял его точку зрения. Пока его слушал.

А потом меня снова брали сомнения. До тех пор, пока кто-нибудь знающий не высказывал своё, отличное от других, от многих-многих в то время других, мнение. Так Тельчик, бывший советник канцлера Коля, напомнил, что объединение Германии произошло благодаря русским. Сетовал, что в окружении Меркель мало специалистов международных. На вопрос, что сделал бы Тельчик в нынешней ситуации, он ответил:

– Я бы во что бы то ни стало сохранял достигнутое во времена Коля взаимопонимание между Германией и Россией.

И добавил:

– Но, очевидно, проблемы с квотами сейчас важнее...

Он имел ввиду всю эту полемику насчёт того, сколько

женщин (30 %) должно быть в руководстве (на любых уровнях).

Тут дело вообще дошло до абсурда – предлагалось обращаться к профессорам в университетах так: *госпожа профессорша* и... *господин профессорша*.

И это пока что самое смешное, что мне из того времени помнится.

Мир в то время трещал по швам, а кто-то сочинял *Бранденбургский закон о высших школах*. Новый проект, учитывающий вопросы полов, переходил всякие границы. В § 31 говорилось: «*Преподавательницы и преподаватели* институтов должны вызываться к *эксперткам и экспертам* и к *экзаменаторшам и экзаменаторам* для получения степени доктора наук».

(Мне повезло, успел защититься до сих нововведений).

Страница за страницей были заполнены этими словесными гирляндами. В текстах уничтожались все места, в которых можно было заподозрить мужское превосходство.

Да... (Я сейчас выскажу крамольную мысль: американцы потому не избрали Хиллари Клинтон, что ещё не *созрели* для того, чтобы ими правила женщина).

Ну а земля Бранденбург, старинное ядро Пруссии, подготавливала свои пионерства. Наш Потсдамский университет переписывал все обращения таким образом, чтобы все титулы были только в женской форме: *господин докторша* и *господин доцентша*.

– Господин докторша! – заливалась Людмила. – Ой, не могу, ха-ха-ха!

Это был замечательный вечер!

Неужели мы могли беззаботно смеяться?

Разучились!

Схватываемся из-за всякого пустяка. Из-за подзаголовка в газете: «Бывшему канцлеру Шредеру исполнилось 70, но он не поумнел».

– За что же его так? – вскидывалась Людмила. – За то, что выступил в защиту Путина?

Глаза – колючие.

Дальше больше:

Гизи, глава левых, заявил, что присоединение Крыма – дело решённое, и с этим все вскоре смирятся. Вопрос только в том, вопрос к госпоже Меркель, почему Европа молчала, когда Турция ополовинила Кипр? Потому что Турция, в отличие от России, член НАТО? «Всё, что НАТО и ЕС могли сделать неправильно, они сделали неправильно», – заключил Гизи.

И в таком духе – все дни напролёт по радио, теле, в интернете, на улицах, в гостях... голова пухла.

Длинный сегодня был день. Домой не хотелось.

Пойду-ка пройдуся.

Я сошёл не на своей остановке, шёл, шёл и оказался на кладбище. Оно усыпано бурыми листьями.

Я не хочу, чтобы на моей могиле было надгробие. Я хочу,

чтобы меня – когда придёт время – похоронили анонимно.

Людмила не выносит таких разговоров.

И на кладбище – ни ногой. А я здесь охотно брожу. Здесь тихо, покой. Для них – вечный.

Я, Ганс Иоахим Мартин Рудольф, родившийся 30 мая 1930 года,

в прошлом доцент Свободного Берлинского университета –

не награждённый ни какими-либо медалями Федеративной республики

Германия, ни какими-либо другими заслуженными или выслуженными орденами и знаками почёта – **умер в четверг 13 марта 2014 года.**

Панихиды не будет, так как смерть не является причиной для празднования. Выражения сочувствия не нужны,

так как я сам не смогу их выслушать. К сожалению. Ведь они мне были бы очень интересны.

Это объявление о смерти я нашёл в нагрудном кармане своего пальто. Надел сегодня вместо куртки пальто. В кармане шуршало что-то, думал, квитанция старая. А это объявление такое. Не знаю, зачем я его вырезал из газеты, зачем в карман положил. 2 года и 8 месяцев оно лежало в кармане. И столько же времени пальто провисело в шкафу. Прошлой зимой я его не надевал?

Этого человека я не знал.

Мне его юмор понравился.

Нам тогда не до юмора было. Во всяком случае, мне. Обстановка тогда была дай боже. Ситуация накалялась. США и ЕС грозили России изоляцией. Обама самолично про меры против России говорил. Про список русских политиков и бизнесменов, которым на полгода запрещался въезд в США.

А Людмила... хмыкала:

– Ой, напугал.

Я укорял её в легкомыслии. Она удивлялась:

– Но как же без юмора? Без юмора пропадём. Народ у нас весёлый, живо отреагировал. Вот например:

«В нашем магазине Обаму не обслуживают»; «На нашей заправке бензин Обаме не отпускаем».

И так далее.

Меня это злило. Я их русского юмора не понимал.

Меня бесило это их «авось пронесёт».

Людмила

В субботу, с утра пораньше я поехала на чтения к одной немке-писательнице, у неё дом на краю Берлина, сад огромный. Не хотела ехать, но по работе надо, я переводчик. Приходится всякую муть переводить, чтобы на кусок хлеба заработать. Без масла.

Писательницу Розвитой зовут. Она, на вид, приятная, лет тридцати, густые брови, румяный рот, пышные каштановые волосы, двое детей, муж приятный, программист, или физик, забыла, вежливый, тихий, чай-кофе готовил, поленья в камин подбрасывал.

В первый раз я была здесь весной 2014 года, тогда не только Розвита, другие авторы свои произведения читали. Мы с ней пошли в сад покурить, там повсюду трава, цветы, чего только ни лезло. Красота, одним словом. А она, почесав свои густые брови, сросшиеся на переносице, вдруг заявила:

– У меня совершенно чёткое мнение о ваших событиях!

– Да? И какое?

– Я против Путина!

Я сигаретку притушила, улыбнулась:

– А я против Меркель, и что?

Она растерялась.

– Н-н-ничего...

– И, кроме Путина и Меркель, – напомнила я, – есть ещё

мы, русские и немцы, и наши страны – Россия, Германия.

Это, кажется, очень удивило Розвиту. Прямо-таки озадачило. Она заторопилась к гостям.

Пока мы пили кто чай, кто кофе, Отто, писатель, поведал мне доверительно:

– В эти трудные времена можно порадоваться только тому, что вы живёте в стране, не заставляющей вас говорить на государственном языке и не преследующей за использование родного.

Я напрягла извилины, чтобы извлечь смысл из его слов. У меня получилось примерно следующее: я живу в Германии, которая не заставляет меня говорить на государственном немецком языке и не преследует за использование русского, тогда как на Украине запрещают русский язык, и это, естественно, к добру не приведёт.

– И больше пока радоваться нечему, – подытожил он, – ибо будущее наше туманно, так что будем уповать на Бога, которого нет. Как заверял ваш классик, «это медицинский факт».

– И всё же надеяться на Него надо, – подключилась к нам немка-писательница, я её имя забыла. – Тем более сейчас, когда Россия Крым захватила.

Я про себя решила, что уж кого, кого, а её переводить не стану, пусть мне грозит голодная смерть, и со всей любезностью, на какую была способна в тот момент, сообщила:

– Моя подруга-крымчанка рассказывала, что люди кре-

стили бюллетени голосования перед тем как их опустить. И – что ничего не проплачено. Войска называют «зелёными человечками» – любовно. Их мало. В Ялте их вообще не было – референдум возник спонтанно. Реально люди поднялись – так их достали хохлы со своей мовой, нищетой и фашистским майданом. В музыкальных школах запрещена русская классика, Чайковский и... В библиотеках нет русских авторов. Преподавание только по-украински, язык бедный, терминологии нет, научной тем более. Бабульки голосовали и говорили, что теперь можно умереть спокойно. Листовки сами печатали, кто как подключался... И всем миром сказали: ДА. Крым опять наш!

Что тут началось.

– Прекратите немедленно! Всё это – ложь! И – ваша российская пропаганда!

– Мы не на майдане, – напомнила я и потом всё это Акселию пересказала. Я тогда ему ещё всё рассказывала. И даже, как мне теперь кажется, *обходительно* спорила с ним.

Он взорвался:

– Как можно! Как можно!

– Да, представь себе! – я была растрогана, что он так за меня переживает. Навалились все на меня одну!

– Ты не понимаешь! Ты не понимаешь! Ты ЗАХВАТ защищаешь!

Я оторопела.

А он ткнул в меня пальцем:

– Ты, ты, ты!.. Ты и ТВОЙ Путин!

Я засмеялась. Ой, куда его нанесло.

Он замкнулся в себе. Сел смотреть новости.

Я, помню, своим глазам не поверила. Думала, может, это я русскую программу смотрю? Там по *RTL* показывали – по немецкому телевидению! – неонацистов в Киеве.

Про всё это дружно молчали, только про «оккупацию русскими украинских земель» талдычили.

Дальше – репортаж из Нидерландов, где встречалась теперь уже не «Восьмёрка», а «Семёрка». Один из журналистов задал Обаме вопрос:

– Вы «уменьшаете» Путина, чтобы себя «большим» почувствовать?

Обама скривился так... пол-лица к левому уху ушло.

– Путин – региональная власть, – сказал он.

Модератор новостей *RTL* обратился к нам, к телезрителям, с улыбкой:

– С той стороны земного шара, может, и региональная... но с нашей стороны Россия – большая, великая держава.

Я ахнула. Ни своим ушам, ни глазам не верила. Неужели это немецкие новости? Что приключилось?

В следующем сообщении нашлось объяснение происходящему – оказывается, в Карлсруэ был судебный процесс, и его выиграли журналисты *RTL*.

Ах, вот оно что! Радостная новость! Наконец-то! А то меня уже достала эта их хваленая свобода слова.

Аксель заглянул в интернет.

– Благодаря НАШЕЙ свободе слова такое и стало возможным. Речь идёт об Aufsichtsrat², сколько в нём должно быть государственных и партийных представителей.

– Гораздо, гораздо меньше, чем раньше! Я же и ликую из-за этого!

– Из-за чего?

– Из-за того, что теперь у журналистов будет больше свободы!

Он был со мной не согласен, про западную свободу слова говорил, винил меня в зашоренности. В том, что я под действием русской пропаганды...

– Может, – спросила я, – и ты находишься под воздействием вашей пропаганды?

– Я не могу с тобой согласиться. Не желаю, не хочу.

– Ты же знаешь, я смотрю и наши, и ваши новости. Пытаюсь разобраться.

Настроение у меня было приподнятое, я себе даже слово дала, что не буду больше цепляться к Акселю (сцепляться с мужем), вспомнила шутку моего друга, русского писателя-сатирика³ про самосознание мужчин:

«Мужское самосознание определяется жёнами. У тебя – жена-украинка, ты за Украину. У меня жена – русская, я за Россию».

² Совет по надзору, контролю.

³ Борис Замятин.

Он хмыкнул.

Добрый знак. Я не стала упрекать его в том, что хоть у него и русская жена, он не за Россию... Продолжала:

– Понимаешь, граждане Украины осознают себя нацией, ратуют за национальное государство и готовы его защищать. А если русские ратуют и защищают свои национальные интересы, то это «пост-имперский синдром».

Он отмалчивался.

– А, может, – предположила я, – в нас, в русских, тоже проснулось национальное самосознание. Мы же – при моей коротенькой жизни – ещё не были русскими. Мы были советскими, а после – гражданами СНГ.

Он спросил с опаской:

– И что теперь?

– Да, так что теперь – стенка на стенку? Упаси боже. Про реализацию национальной идеи в Германии мы не забыли. И про интернациональную в Советском Союзе – про счастье во всём мире – тоже.

Он думал, думал и ничего не сказал.

Я, помня о своём обещании не цепляться к нему, поинтересовалась:

– А твои студенты тебя спрашивают?

Он тоже поинтересовался:

– Как ты себе это представляешь? Что кто-то посреди лекции обращается ко мне: «Господин профессор...»

– ...*господин профессорша*... (Это я с юмором вставила).

– ...вы за Россию или за Украину?»

– И что ты им отвечаешь?

– Они не задают мне таких вопросов.

– Странно. Ведь если так дальше пойдёт, они останутся без работы.

– Почему?

– А кому будет нужна славистика?

– Не утрируй.

И, слово за слово... от моих благих намерений не осталось и следа. Я заверила поначалу, что не утрирую. Он заверил, что ещё как утрирую и что Путин оттяпал Крым!

А я ему:

– И правильно сделал!

– Ты в своём уме?! – вскричал он.

Я попыталась ему объяснить, что этот придурок Хрущ подарил Крым – вот так вот взял! и подарил! – своей любимице!

А он мне про суверенную Украину начал и прочее.

– А теперь ещё, – он сказал, – всплывает вопрос о Новороссии! Целые украинские области вы уже называете Новороссией!

Я хотела ему объяснить, что такое Новороссия, исторически объяснить, а он мне:

– Ты целиком и полностью находишься под воздействием вашей пропаганды!

– А ты не находишься?!

– У нас не пропаганда, у нас – свобода слова!

Вот тогда-то я, кажется, в первый раз и вылетела из дома и, пылая, долго прочёсывала все окрестные улицы.

Ну, а сегодня Розвита, хозяйка дома, пока мы с ней перекуривали, возмущалась американцами: как они могли, до чего они дошли, избрали Трампа! Она такого никак, ну никак не ожидала от великой нации! Была уверена, что Клинтон изберут!

– А я, представляешь, так и знала, что не изберут.

Она глазами, полными ужаса, вытаращилась на меня.

А мне-то что, пусть тарашится. У них тут как всегда, точнее, как в эти три года, кого-то демонизируют: сначала Путьина, нынче Трампа.

Аксель

Суббота! Я отрывался по полной. Читал, спал, не выползал из постели. Только когда Людмила приехала, я пошёл принять душ. Мы собирались на музыкальный вечер к друзьям, на суаре. Я очень надеялся, что обойдётся без политики. Очень рад был, что Людмила лишь в двух словах рассказала про чтения. Я устал от поляризации общества и моей семьи, от вечных споров и своей беспомощности... Я безуспешно пытался понять, что происходит. Я подозревал, что меня, что нас водят за нос, и ловил себя на традиционной симпатии к американцам. Они помогали берлинцам, изолированным в 48-ом году от всего мира, не умереть с голоду.

– Сначала они разбомбили ваши промышленные города.

– Была война, – сказал я и замер. Я что, уже вслух рассуждаю?

Или она мои мысли читает?

А что ж, такое случается с теми, кто долго вместе живёт.

А мы долго жили!

И верю, что долго ещё проживём!

– Был конец войны. А они выжидали. Кто кого. Когда стало ясно, что мы побеждаем, они...

– Они что?

– ...присоединились к нам, к победителям.

Так говорит, будто сама лично сражалась.

Я промолчал. Сам я не видел, но сестра рассказывала про «Rosinenbomber»⁴. Эти самолёты союзников снабжали продовольствием и другими предметами первой необходимости западные секторы Берлина по воздушному мосту во время блокады Западного Берлина в 1948 году.

«Изюмными» их прозвали после того, как по собственной инициативе американские экипажи перед посадкой в Темпельхофе стали сбрасывать берлинским детям небольшие пакеты со сладостями на самодельных маленьких парашютиках. В этих пакетиках был изюм, шоколад и жвачка. И моя шестилетняя сестрёнка их ловила. И с другими детьми играла в воздушный мост.

Идея сладостей на парашютиках возникла у Гейла Хелворсена. Он первым начал привязывать носовые платки как парашютики к шоколадным вафлям, он получал их в посылках с родины, и сбрасывать этот груз перед посадкой в Берлине. Когда о тайных «бомбардировках» узнал командир, к акции подключились и другие пилоты, а сбор сладостей, получивший название «Operation Little Vittles»⁵, охватил всю Америку.

В «сладких» бомбардировках участвовали преимущественно американские самолёты С-54 «Скаймастер».

А в доставках продовольствия по Берлинскому воздуш-

⁴ Raisin bombers – «Изюмные бомбардировщики».

⁵ Малый провиант».

ному мосту были задействованы пилоты и самолёты из нескольких стран, и заходили они не только в Темпельхоф, но и в аэропорт Тегель, построенный во время блокады. На Хафеле в районе Кладов садились британские гидросамолёты. Маршруты воздушного моста пролегли над густонаселёнными кварталами, где после школы собиралось много-много детей, ожидавших пакетики на парашютиках. И моя сестрёнка зачарованно в небо глядела. Своими огромными голубыми глазами.

Галина, хозяйка, всех предупредила: никакой политики!

Гости мирно рассаживались вокруг рояля. Народу пришло ещё больше, чем обычно, и стулья поставили в двух комнатах. Кому мест не хватило, устраивались в третьей. У Галины и Петера большая квартира. Я вслед за Людмилой пошёл на балкон, где толпились курильщики и, увы, назревали первые разногласия: Алексей был за Трампа, хотя и не предполагал, что тот победит, а Зиги возмущалась недальновидными Amis⁶, голосовавшими за него.

– А за кого вы будете? – спросил Алексей. – Вы ведь за свою Меркель будете голосовать, ведь правда?

– Естественно.

– Да нет, – вмешался Клаус, – её не переизберут. Из-за её политики «Добро пожаловать, беженцы».

– Переизберут, – заверил Алексей, – вот увидите. Вы не любите перемен, это раз, вам нужна Мамочка, это два.

⁶ Америкашки.

– Кто нам нужен?

– Ваша Muti, вы же её мамочкой называете?

К нам заглянула Галина:

– Начинаем!

Суаре вёл Андреас, пианист, дирижёр. Он обычно рассказывал о композиторах, играл что-либо из их произведений. В программу включал, кроме классики, мюзиклы и музыку к кинофильмам. Сегодня мы слушали Баха и Моцарта, Шопена и Рахманинова, а в конце «Говорите тише» Нино Роты из «Крёстного отца».

Мне так разбередило душу, что я едва справлялся со своими эмоциями.

Мы бурно хлопали, вызвали Андреаса на бис. Он поклонился.

– Сегодня в метро, когда мы с Ириной сюда ехали, мне пришла мысль. Я поделюсь с вами. Вы заметили, многие писали музыку для клавира, но клавир был лишь вспомогательный инструмент, а Шопен придал фортепиано главную роль – Шопен писал музыку только для клавира, исключительно для клавира.

Андрее сыграл прелюдию.

Ему преподнесли цветы.

Галина и Петер поблагодарили его.

Мы – тоже.

Изумительная традиция. Как в добрые старые времена со-

бираются люди на домашний концерт. Слушают, сопереживают, делятся впечатлениями, о прекрасном говорят.

Не на голодный желудок, разумеется, Галина на кухне устроила шведский стол. Каждый принёс что-то своё – салат необычный, пирог, холодец, жена Андреаса Ирина, она из Тбилиси, приготовила потрясающе вкусные хачапури и лобио, пальчики оближешь.

Пока я облизывал пальцы, Алексей спросил Вероник, нашу француженку, кто у них там победит, правые или левые? Но Галина, хозяйка, всеми нами горячо любимая сибирячка, призвала всех к порядку.

– Алексей! – строго напомнила. – О политике ни слова!

Что нам, в самом деле, больше не о чем говорить? Есть о чём! В нашей компании – за редким исключением – русские жёны и мы, их мужья из Берлина. Мы встречаемся на концертах, чтениях, вернисажах, на днях рождения, по праздникам или просто так, потому что давно не виделись. Мы разговариваем, много смеёмся, поём, пляшем, в общем, радуемся жизни и друг другу.

– Мы, – говорит Петер, муж Галины, – обрусели, а наши жёны... ха-ха-ха!., не онемечились.

– Нет, – соглашаюсь я, – и это, может, хорошо, ха-ха-ха!

Мы с ним крепко сдружились и можем часами «чесать языки», что и делаем время от времени, засев в «нашем» кафе. К счастью, мы живём по-соседству.

– Засядут и ля-ля-ля, – смеётся Галина. – Хотелось бы

знать, что они обсуждают?

Мы с Петером, конечно, сообщаем жёнам в общих чертах, о чём «балаболили», но только в общих, разве перескажешь суть мужского разговора, ха-ха-ха?

– Мы бы и чаще встречались, – заверяет Петер, – но здоровье не позволяет пить столько пива, сколько в нас раньше вмещалось.

Сначала мы, само собой, досконально обсуждаем свои дела, а их!., не счесть. Потом строим планы на будущее. С нашими русскими жёнами планировать будущее – гиблое дело:

– Авось пронесет, считает Галина...

– Вот-вот, и Людмила всё про этот «авось»... Живёт сегодняшним днём, «ведь неизвестно, что будет завтра».

– Но это, действительно, так... никто не знает, что будет завтра. Я пытаюсь планировать, но...

– И я, но...

Мы тяжело вздыхаем. «Умом Россию не понять»...

Но мы хотим понять!

Помогите!

*«Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»,*

написал Фёдор Тютчев 28 ноября 1866 года.

Мы верим!!!

Людмила

С утра сынок позвонил:

– Мам, возьмишь Митю на воскресенье?

А я глаза продрать не могу.

– Возьму, приводи.

– Уже привёл.

Я – к двери.

– Люся, Люся! – Митька прижался ко мне, будто сто лет не виделись.

И – к деду:

– Аксель, Аксель, вставай, я пришёл!

Он бодро вскочил, вспомнил, что сегодня второй адвент, прошлёпал на кухню, зажёл две свечки на еловом венке, и сели мы завтракать. Планы на сегодня ковать: поедем в Шарлоттенград⁷, говорят (Аксель говорит), там самая лучшая рождественская ярмарка.

– Кто за? – Митька поднял руку.

Мне не хотелось ехать. Но два против одного. Пришлось подчиниться.

Ярмарка оказалась скучной. Всё те же стройные ряды длинных палаток перед дворцом Шарлоттенбург, дворец – в лесах, народу – тьма. Мы выпили глинтвейна, Митька покатался на каруселях, попросил засахаренный миндаль, по-

⁷ Так называют район Берлина Шарлоттенбург, там живут русские.

грыз, отдал кулёчек нам. И всё.

Под дождём вернулись домой. Построили дом из картона, мы новый холодильник купили, от него огромная коробка-упаковка осталась, мы крышу сделали, окно, дверь, разрисовали стены, Митька забрался в него и заревел:

– Не хочу домой...

А я не хочу рано вставать, хочу выспаться.

– Митя, тебе завтра в садик, тебя там друзья ждут.

– Не хочу...

– А завтра вечером тебе нужно будет чистить свои башмачки.

Митя высунулся:

– Почему?

– Забыл, что послезавтра придёт Николаус?

– Нет, не забыл... Люся, а давай сделаем так. Я сегодня останусь у вас, а ты меня завтра в сад отведёшь. Я плакать не буду.

– Договорились. Дед тебя отведёт, ему всё равно потом на работу.

Дед согласился и предложил заглянуть к его сестре.

Мы живо собрались, в ближайшей кондитерской набрали пирожных и дальше потопали. До ателье Астрид, она художница, минут пятнадцать идти. Она снимала бывшую оранжерею в промышленном районе неподалёку от вокзала Зюдкройц в Шёнеберге.

Промышленный район – громко сказано. Там размеща-

лись небольшие фирмы, склады, мастерские ремесленников. Оранжерея – высокая, гулкая, заставленная и завешанная произведениями из разного хлама, найденного Астрид на толчках и заботливо притащенного её молодыми и сильными почитателями. Вплоть до кузнечного молота. Если я не ошибаюсь. Я эту полутораметровую ржавую железяку и разглядеть-то не успела, когда Митька меня к колесу потащил. Огромное велосипедное колесо – из позапрошлого века. Неизгладимое впечатление произвело на Митьку. А на меня – крохотная бронзовая свинка, приклеенная к колесу. Если бы колесо вдруг покатилося, конец бы пришёл животинке.

– Нет, – сказал рассудительный Митька, – она бы спрыгнула.

Я залилась. Он ещё не умеет читать, а то бы прочёл, как Астрид назвала свою композицию: «Will kommen»⁸.

Давно я так не смеялась!

С одной стороны, если колесо вдруг покатится, хрюшку расплющит. С другой стороны, она не дура, успеет вовремя спрыгнуть.

Я расцеловала Астрид. Спасибо за юмор!

Без юмора пропадём. Вот всё, кажется, всё, дальше некуда, и вдруг что-то такое... как это велосипедное колесо с хрюшкой... ха-ха-ха!

Астрид сделала кофе – ничего другого видеть пока не мог-

⁸ «Добро пожаловать» – политика Меркель в отношении беженцев.

да, вчера гости были, перебрали малость...

– Мы тоже, – простонал Аксель, потирая головушку, – ой, хорошо вчера повеселились.

Мы с Митей налегли на пирожное. Чёрт с ними, с лишними килограммами. Брат и сестра, глядя на нас, тоже пожевали немного. Он худой, она стройная. Он длинный, она невысокая. Ей 73, но по её виду не скажешь. Просто ни за что не поверишь. Акселю 63, скоро на пенсию, даже не верится. А мне 59, и моих лет мне тоже не дашь.

А если кто даст, я тому головомойку устрою.

Я чуть не наступила на кусок старинного зеркала, подняла его, огляделась. Повсюду батареи бутылок стояли, пробки валялись, бокалы и рюмки в раковине горой возвышались.

Я, хоть и не была готова на подвиги, но всё же перемыла посуду под вялые протесты «да ладно... да брось... да не надо...»

Митька, молодец, мне помогал, улицу перед дверью подметал, окурки щёткой собирал в кучку.

Удивлялся туману.

Вчера, когда я и Аксель возвращались домой, мы месяц видели, тоненький, жёлтый, в сказочном ореоле – так месяц в детских книжках рисуют.

А сегодня ничего не видели, туман всё скрадывал. Только огоньки расплывались, трепетали на балконах и окнах – многие уже гирлянды повесили, а у нас руки ещё не дошли.

– Руки? – удивился Митька. – Не дошли? Руки не ходят.

Мы остановились на мосту – в тумане под нами плыла электричка.

– Электрички не плавают.

– А эта – плывёт.

В никуда уплывает. В беловатость белёсую. Ничего там, впереди, нет. Город исчез.

Густые леса подступили. А мы... Но Митька не купился на мои фантазии:

– Там дома, я точно знаю.

– А помечтать?

А вот фигурки.

– Пошли, – сказал Аксель. – Нам завтра рано вставать.

Митя всхлипнул. Но заверил стоически:

– Я не буду плакать.

– Конечно, не будешь, ты у нас молодец.

– А когда я у вас надолго останусь?

– Там посмотрим. С мамой и папой поговорим.

– Хорошо, я поговорю. – Митька зажмурился. Весь в слезах и соплях уткнулся в мои колени.

Аксель

Вчерашний туман инеем обернулся. Мёрзлые испарения, сырость в воздухе стали кристаллами. Кристаллы инея, если внимательно поглядеть, приняли форму шестиугольных призм. Завораживающие. Иней облепил деревья, траву, крыши, зимой повеяло. В моём детстве зима была снежная. Люблю зиму. Повезет, к рождеству снег выпадет. А вдруг повежёт. Людмила говорит, радостные люди дольше живут. Что мне мешает радоваться. Радуйся. Деревья стоят в инее, красота. В Австрии крайне правые провалились, ура. Во Франции пока ничего неясно, но Оланд не будет переизбираться. Придётся Мамочке без него отстаивать демократические ценности. Если её переизберут. Я надеюсь, что переизберут. Она из наших, из гэдээровских. Отец был священником. Мой был пацаном, когда его на фронт заграбастали. Был в российском плену. Вернулся домой убеждённым социалистом, о русских вспоминал с любовью и благодарностью. С чистосердечной. Перевёз дочь и жену из Западного сектора в Восточный, который в 1949 сделался ГДР. Вступил в партию, строил новое общество.

О его крахе уже не узнал, мы похоронили отца в 1981. Мама умерла в 1988.

Мама мне часто снится. Она обнимает светловолосого мальчугана. Я кричу ей: «Мама, это не я, это чужой мальчик,

не обнимай, это не я!» И просыпаюсь.

Людмила

Я заглянула в последний *Шпигель* – должна же я знать, о чём супруг думает. Он перестал думать своей головой, он, сам того не ведая, придерживается общественного мнения. А что ему ещё остаётся? Журналисты перестали снабжать информацией, они формируют мнение.

На автобусной остановке под нашим балконом – огромный плакат:

DIR

DEINE

MEINUNG!

Реклама газетёнки какой-то: ТЕБЕ ТВОЁ МНЕНИЕ!

И никого не возмущает, не удивляет такое бесстыдство.

Аксель

Людмила затеяла генеральную уборку. Знал бы, не торопился домой. Всё перевернула вверх дном.

На моём столе кипы старых подшивок.

Ангела Меркель уведомляет, что нужно пересмотреть всю немецкую энергетическую политику из-за Украинского кризиса, ведь Германии угрожает зависимость от русского газа и нефти. Но вето на запланированные немецко-русские миллиардные проекты наложено не будет.

54 % немцев – за Россию.

В Киеве зарегистрировались 27 кандидатов на пост президента.

В Крыму состоялось выездное совещание Российского правительства.

Подождите, подождите, что это я читаю?

Газета за 31 марта 2014.

Зачем Людмила мне её подложила?

Ах да, чтобы я порядок навёл.

Я вообще-то храню старые подшивки. А Людмила считает, что нам скоро жить негде будет. Она без всяких сожалений избавляется от журналов, «Иностранную литературу» за много-много лет выбросила. Теперь же всё, что хочешь, в интернете можно найти. А я люблю запах печатных страниц, ломкость пожелтевшей бумаги... и совершеннейшую отчёт-

ливость связанных с ними воспоминаний.

Но от этих я хочу поскорее избавиться! Забыть все те тяжёлые дни. Тот страх, с каким следил за развитием событий, вычитывал, выслушивал выступления европейских и американских политиков, бизнесменов, учёных, политологов. И каждый вечер задавал себе один и тот же вопрос: что будет завтра?

– Что будет? – Людмила к моим переживаниям всерьёз не относилась. – День Смеха будет. Брат каждый год шлёт смс: «У тебя спина белая».

– Да? И что?

– Ничего... просто традиция. А папа по скайпу зачитывает что-нибудь из «Нарочно не придумаешь». Что-нибудь, например, такое:

«Продаю трёх гусынь и одного гусака. Все несутся». Ха-ха!

«Продаю трёх поросят, все разного пола». Ха-ха-ха!

Мы вчера на ярмарке видели клоуна. Он сотворял для детей зверьков из длинных воздушных шариков. На его костюме было написано:

«Wer als letzte lacht,
hat zu lange nachgedacht»⁹.

Это очень, очень смешно!

⁹ «Кто смеётся последним, тот чересчур долго думал».

Людмила

Мы тогда ещё смеялись, тогда, Первого апреля, а двенадцатого в Славянске захватили горотдел милиции, провели *антитеррористическую операцию*. Тринадцатого украинское правительство начало «освобождать» Юго-Восток от «прорусских террористов».

Второго мая... Что творилось в Одессе.

Я отказывалась понимать. Я не верила. Аксель тоже не верил... нашим журналистам. Стоял на том, что я вся в пропаганде. А он – нет. Ведь немецкие СМИ не врут, только наши.

Я ревела белугой. Германия со своим враньём, предвзятостью, враждебностью к русским, Германия, которая столько лет была моим домом, стала, оборотень, просто местом жительства, отвратительным, и я погибала от бессилия. Хотела сбежать.

Аксель

Я вспылел. И жена вспылила. Она меня уже достала этой Украиной! И Россией!

– А ты меня – своей Германией!

– Врут и украинцы, и русские!

– А ВАШИ не врут?! Если я, как ты говоришь, нахожусь под «русской пропагандой», то ты – под немецкой!

– У нас – свобода слова!

– Что?! СВОБОДА СЛОВА? Вы же слова никому не даёте сказать, гнёте своё, не могу больше слушать!

Она выбежала на улицу. Часа два где-то ходила. Я был рад, когда она вернулась. Мы заключили соглашение – больше не говорить о политике.

Она перестала читать немецкую прессу, я перестал смотреть немецкие теленовости (давно уже не смотрю).

Людмила

Мы придерживались нашего соглашения. Переживали и боялись поодиночке. Москаль, кацап... москаляку в могиляку.

Аксель прав, и мы на пороге Третьей Мировой?

Ему лучше знать, он, пруссак... он, как уроженец бывшей провинции Пруссии... Да какой он пруссак, он славянин. Пруссаки на 93 % славяне.

Аксель мне не поверил – полез в интернет информацию проверять.

Информация достоверная, на днях прочитала.

Тот же «Потсдам» – «Подступими», «Подступ» к, очевидно, Берлину. А «Берлин» – это «бер», «Bär», медведь. И Бисмарк, умный пруссак, на 93 % славянин, предостерегал, основываясь на исторической памяти: «Не будите русского медведя»!

– Твоя логика, – буркнул Аксель, – сводит меня с ума.

– Ой! Будто твоя меня не сводит.

Я пошла забирать Митьку из садика.

Он обиженно буркнул:

– Я тебя жду-жду.

– А я вот она.

– Я, – повторил он упрямо, – тебя долго-долго ждал.

– Но, радость моя, сейчас три, я всегда в это время за то-

бой захожу.

– Долго-долго ждал!

– И ведь дождался! Пойдём, скажем Петре, что я тебя забираю.

Петра, воспитательница, сказала по-русски (она русский в школе учила, она из ГДР):

– А, так она пришла!

Митька хмуро поправил:

– Не она, а бабушка, и не бабушка, а Люся.

Я строго сказала:

– Митя! Взрослых не поправляют.

– Почему?

– Есть же какие-то правила поведения. – Но распространяться про них мне не хотелось. – Ну, расскажи, что тебе Николаус принёс?

– Сладости. Много-много. – Митя их перечислил.

Мы обошли с ним все детские площадки, какие нам попадались на пути домой, и он вывозился в песке, как чёрт. Не понимаю, зачем нужно засыпать детские площадки песком? То ли дело в Москве – постелено такое приятное, упругое покрытие, даже падать приятно, ни ушибов, ни ссадин. Впрочем, я вообще не люблю детские площадки. С сыном, помню, изнывала от скуки, пока он крутился, вертелся, носился, а потом неизменно просил:

«На качели! Только ты меня сильно толкай. Долго-долго!»

– Люся, пойдём на качели, только ты меня посильней ка-

чай. И долго.

– Есть, мой командир!

Я до изнеможения раскачивала Митьку, поражаясь такой преемственности. Что сын, что внук... а у меня не только руки отваливались, но и ноги подкашивались от страха (за них) и головокружения.

– Может, пойдём?

Митька смилостивился:

– Ладно.

К нам подошли два немца. Один был в строительной каске. Он спросил:

– Вам нравится эта площадка?

– Очень! – ответили мы. – Только вон там, – я показала рукой, где, – опасное место. Высоко, без перил, ребёнок может упасть.

– «Опасность», как вы говорите, запланирована – дети должны учиться обходиться с опасностью.

Они оказались проектировщиками детских площадок. Сейчас у них был тут осмотр. Они искали «новые пути решения».

– Знаете, что, – сказала я. – С опасностью и риском пусть разбираются родители. А нам, бабушкам-дедушкам, что делать? Вы уж запланируйте площадку для нас, специальную, чтобы мы, бабушки-дедушки, за внучат не дрожали, ведь нам нужно сдать детишек родителям целыми и невредимыми.

На глаза Митьки навернулись слёзы.

– Не хочу домой.

– Господи! Да не идём мы домой! Скажи дядям: Tschüs!

– Tschüs, – Митька им помахал, вцепился в меня, и на щеках обозначились две мокрющие дорожки. – Не хочу домой, хочу к тебе.

– Не ко мне, а к нам с дедом.

Дед, правда, сегодня со своим другом Петером встречается.

Митька перестал разводить мокроту:

– Я к вам?

– Да, но только на один вечер.

Митька как сиганул. Я за ним. И на фитнес не надо ходить, бесплатно до костей исхудает.

Мы поужинали, мультики посмотрели, спать завалились.

Поздно ночью Аксель пришёл.

Тишайшей сапой улёгся рядом с нами.

Садик мы, понятно, проспали. Умываться не стали, так побежали, на ходу проглотили сосиски и булочки.

Уф.

Аксель отсыпался. У него сегодня нет занятий, имеет право.

Позвонила Галина:

– Удивляюсь, и о чём только наши мужья говорят? Петер после их встреч приходит умиротворённый, любвеобильный, в любви признается: «Галинка, я люблю тебя!»

А мой мне не признаётся...

Любить, как-то сказала Галина, значит жалеть.

А я жалею! Себя! Очень жалею!

Аксель

Людмила, забравшись с ногами на диван, штудировала «Россию на перекрёстках истории»¹⁰. Я её уже пролистал. Сплошные спекуляции: «Татаро-монгольское иго, которое отбросило Россию назад, вырвав из общего европейского развития, могло бы сократиться на 100 лет, если бы...»

Не вижу смысла в альтернативной истории.

– Да? А мне как раз интересно поразмышлять об упущенных возможностях.

– И что это даст? Всё равно ничего не изменишь.

– Ну да, ну да...

¹⁰ А. Г. Данилов.

Людмила

Я не могла оторваться от книги. Читала как увлекательнейший роман. Оказывается, иго могло бы укоротиться на целых 100 лет, если бы между национальными и местечковыми интересами московская элита не выбрала местечковые.

Если бы! Если бы...

В 40-е годы XIII века, когда Великороссия попала под монгольское иго, на окраине Киевской Руси возникло новое государство – Литовское княжество, ставшее позднее Великим княжеством Литовским и Русским. Союз литовской знати, восточнославянского боярства и горожан позволил не только остановить продвижение немецких рыцарей на Восток и Орды на Запад, но и освободить в будущем большую часть русских земель от татарского ига.

Литовские князья взяли на себя роль, которую в других частях Руси выполняли Рюриковичи.

В те годы московские и тверские князья, оспаривая в Орде Владимирское великое княжение, ещё не помышляли о решительной схватке с Ордой. Именно Великое княжество Литовское и Русское стало при Гедимине центром борьбы с ордынскими ханами.

При Гедимине в состав княжества вошли русские земли: Полоцк, Гродно, Брест, Витебск, Минск, Туров, Пинск, Вольнь. Гидемин влиял на политику Пскова, Новгорода, Смо-

ленска, Киева. Он заключил союз с Тверью, титуловал себя «королём литовцев и многих русских». Пятеро из его семи сыновей приняли православие.

В 30-е годы XIV века смоленский князь Иван Александрович заключил с Гедимином договор о взаимопомощи. Он признал себя «младшим братом», то есть вассалом литовского государя. Разгневанный этим союзом хан Узбек послал на Смоленск в 1339 году свою рать. В этом конфликте русских и татар московский князь Иван Калита поступил так, как уже не раз поступал: оказал помощь татарам.

Встретив мужественное сопротивление смолян, поддержанных литовцами, татаро-московские войска не сумели взять город. Орде пришлось смириться с тем, что Смоленск отказался выплачивать дань. Хан потерял власть над Смоленщиной. Тем самым и был положен окончательный предел распространению власти Золотой Орды на западных русских землях.

Дело Гедимины продолжал его сын Ольгерд. Он – за два десятилетия до Дмитрия Донского – одержал блестящие победы над ворогом, объединив под своим скипетром большую часть исторической территории Киевской Руси.

При активной поддержке Твери он был способен освободить и Северо-Восток.

В 1358 году Ольгерд и его брат Кейстут выдвинули программу объединения под властью Великого княжества Литовского и Русского всех балтских и восточнославянских зе-

мель, чтобы защитить свои владения от Ордена и Золотой Орды.

Для победы над объединённым рыцарством, за плечами которого в то время стояла вся католическая Европа, требовалась поддержка боярства русских земель. В 60-е годы XIV века походы Ольгерда и разгром татар на реке Синие воды расширили границы Литовской Руси до устья Днестра и Днепра. В состав государства вошли Киевское, Чернигово-Северское, Волынское княжества, Подолия. Эти успехи были возможны, потому что местное население, борющееся за свою независимость, тесно сотрудничало с литовской династией.

Для укрепления своих позиций Ольгерд, помимо военной силы, использовал влияние православной церкви и династические браки.

Но ни мирным, ни военным путём Ольгерду не удалось объединить все русские земли в единое государство: он натолкнулся на сопротивление северо-восточных княжеств, сплотившихся вокруг регионального центра – Москвы.

Но если бы!.. Если бы такой союз состоялся, то свержение татарского ига над Северо-восточными русскими княжествами случилось бы на 100 лет раньше.

И выход к Балтийскому и Чёрному морям был бы обеспечен уж в XIV веке, а не в XVIII.

Однако же княжества Северо-востока Руси не пошли по этому пути. И ждало их столетнее, до самого 1480 года, раб-

ство. Национальное унижение, разорение...

Политика великого московского князя стала тому причиной.

В августе 1382 года хан Тохтамыш сжёг Москву, Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, Переславль, Коломну.

Последствия этого поражения продолжались ещё 98 лет! И, может, дольше, ведь как оценить последствия того, что в рабстве прожили 4-5 поколений россиян.

В 1385 году была подписана Кревская уния Литвы и Польши.

В 1387 году население Литвы окрестили по католическому обряду.

Вот так! Вот так... Я вышла на балкон, покурила, заглянула к Акселю, он, ура, разобрался с подшивками, видимо, всё-таки комнату свою разгребёт.

Во второй половине XIV – первой трети XV веков существовали две альтернативы развития:

– объединение Северо-восточной (Великое княжество Владимирское, позже Московское) и Западной Руси (Великое княжество Литовское и Русское) в единое мощное, развитое в экономическом и военном отношении государство;

– отказ от объединения и самостоятельное развитие русских земель в границах Московского и Литовского государств.

Сторонниками первой альтернативы были правящая в

Литовской Руси династия (Гедимин, Ольгерд, Кейстут, Ягайло, Витовт), литовская знать (видимо, частично), восточнославянское боярство и городское население (выражало своё мнение через институт вече) западных русских земель, бояре и горожане Новгородской и Псковской республик, Смоленского, Тверского и некоторых других княжеств.

Литовская Русь превосходила Московскую как по территории, так и в военном отношении. Витовт назначал и свергал ордынских ханов, успешно боролся с Ливонским орденом. В 1381 году был подготовлен проект Договора о добровольном воссоединении Москвы и Вильно.

Но!

Но основными противниками первой и сторонниками второй альтернативы были московские князья и бояре, а также русская православная церковь.

А против объединения под властью Москвы выступали правящая династия Гедиминовичей, феодалы и горожане Великого княжества Литовского и Русского, ведь они (горожане) обладали большими, чем феодалы и тем более горожане Владимирской Руси, правами и привилегиями. И они не собирались терять свои свободы, а это было бы неизбежно в случае победы Москвы. Силой присоединить к себе земли Западной Руси московские князья не могли, так как даже в небольшом регионе Северо-востока Руси они с трудом удерживали лидерство, которое оспаривали Новгород, Тверь, Галич, другие княжества, и уже более столетия не могли про-

тивостоять Орде. И не было у Москвы военной силы, чтобы подчинить себе мощное Литовское государство.

Перед Московскими князьями стоял следующий выбор:

– согласиться на формирование единого российского государства под властью Вильно и потерять статус регионального лидера;

– противодействовать этому процессу, открывавшему блестящие перспективы для Руси, обособить развитие Северо-восточных княжеств от других земель некогда единого Киевского государства, но сохранить при этом и в будущем укрепить статус регионального лидера.

Между национальными и местечковыми интересами московская элита выбрала местечковые.

Ей активно содействовала и русская православная церковь. Её больше устраивало почтительное послушание московских князей, нежели небрежное покровительство Гедиминовичей. В политической жизни единого государства она бы уже не играла столь заметной роли, как в Московской Руси.

Но если бы! Если бы такой союз состоялся, то:

– вместо самодержавия развивалась бы сословно-представительная монархия, какая была в Литовской Руси;

– освобождение от ордынского ига произошло бы на 100 лет раньше;

– были бы восстановлены разорванные ордынским нашествием связи с Западной Европой.

Иго ордынских ханов принесло не только смерть, разорение и унижение, не только затормозило развитие страны и изменило направление её движения, но и значительно сократило потенциал свободы во всех слоях общества. Князья Северо-восточной Руси вынуждены были раболепно подчиняться ханам и постепенно утратили свои права и привилегии. Княжеско-подданические отношения взяли верх над вассально-дружинными. Князь больше не был «первым среди равных» в отношениях со старшими дружинниками – вассалами (боярами). Уже во второй половине XV века стандартным обращением феодалов к Ивану III стало:

«Яз холоп твой».

Горожане, пожертвовав своими вечевыми вольностями, пошли на союз с князем, потому что консолидация, а не противоборство князей и горожан, позволяло давать отпор захватчикам.

Свободы и вольности крепнут там, где развиваются товарно-денежные отношения, ремесло, торговля. Разрушая города, татары разрушали ту среду, в которой эти вольности могли существовать. И на основе которых в будущем начнут формироваться буржуазные свободы.

В первой половине XV века многочисленные государственные образования Северо-восточной Руси представляли собой три силы:

– Новгород и Тверь, богатевшие на транзитной торговле с Западом и Востоком;

– Север и отчасти в Поволжье – Галич, Вятка и Устюг, – где бурно росли города, развивалась соледобывающая промышленность, существовало свободное крестьянство, и где намечались пути предбуржуазного развития России;

2 центральные области Московского княжества, мало связанные с торговлей и не имевшие естественных богатств. Одновременно с ростом городов на западных и северных окраинах приходили в упадок Владимир, Переславль, Ростов, Суздаль. Города в центре по мере роста земледелия становились аграрными.

И снова возникла ситуация выбора:

– Москва или Галич;

– укрепление феодальных отношений, потеря свободы как элитой, так и народом, или путь предбуржуазного развития страны.

Борьба длилась 28 лет и закончилась победой Москвы.

А Москве противостояла северная вольница промысловых людей и свободных крестьян.

Падение Галича повлекло за собой падение Твери и Новгорода, а затем и опричнину.

Победа Москвы во многом повлияла на то, что Великое Владимирское княжество, оказавшись на развилке путей, пошло не по предбуржуазному, а по крепостническому пути развития, пути несвободы.

Цена, которую заплатил весь народ – и господа, и слуги – невелика: всего лишь утеряна свобода.

Да помилуйте, нужна ли она вообще?!

И была ли она когда-нибудь на Святой Руси?

Может, и не было, но после подчинения русских земель

Москве градус несвободы повысился.

Герцен, анализируя подчинение Новгорода Москве в 1478 году, писал:

«...Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород всегда ставил права общины выше прав князя. Москва – удел, верный своим князьям, поднявшаяся милостью монголов на развалинах древних городов, заселённая племенем, никогда не знавшим настоящей общинной свободы Киевского периода. Россия могла быть спасена путём развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой – но какой ценой? Это самая несчастная, самая порабощенная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив всё, что было свободно в русской жизни».

Аксель

И какой исторический вывод мы делаем?

Что свободолюбивый Киев последние годы добивается воли, а Москва обещает стабильность в обмен на её потерю? Крым оторвала, войну на Востоке разожгла. А россиян уверяет, что у них-то в стране стабильность. Обеспеченная полной потерей свободы.

Людмила

Так бы и послала его куда-нибудь подальше.

Держится, держится, а потом вдруг сказанёт что-нибудь такое...

– Что, правда глаза колет?

Да пошёл ты! Я реально послала его куда подальше и пожелала, чтобы он оттуда не выбрался!!

Хлопнула дверью и понеслась.

По проторённому маршруту.

Остановилась. Возле бюро путешествий. Это в моих силах – маршрут изменить, вон, прочь куда-нибудь улететь. Хоть на недельку в жаркие страны смотаться.

Я ухватилась за эту идею, подёргала ручку, закрыто. Заглянула в окно. Запустение.

Вот те на, бюро больше нет... Нету туристов. Туристы из России не едут.

Я могла бы позлорадствовать. Да не того было. Я здесь годами визы домой оформляла. Теперь придётся в центр ездить... время терять. А здесь удобно было – под боком.

Но всё что ни делается, делается к лучшему. Не надо будет с хозяйкой этого бывшего бюро встречаться. В мае 2014 года, когда я к ней забежала, я чуть не попала как кур (*курица*) в ощип.

– Как дела? – спросила.

– Как? – она кивнула на огромный украинский флаг. Раньше его не было. Карта Европы с флажками, куда могут ездить туристы, раньше была на русском, а теперь на украинском. – Вот так, чтобы все сразу знали, на чьей я стороне.

– Понятно.

– Я, – продолжала она, – год назад своим говорю, когда домой, в Украину приехала: вы что, с ума посходили, русский язык вздумали запрещать? А сейчас...

– А сейчас?

– Я ничего в политике не понимаю, но федерация Украины невозможна.

– Почему? Германия – федеративная, Бельгия...

– Это нецелесообразно, не экономично, бюрократию только плодить.

– А кровь проливать?

– Да пошли они все, эти работяги с Донбасса, алкаши, русские прихвостни. В порошок их стереть и дело с концом.

Эта женщина – мать двоих детей, бабушка пятерых внуков... Господи, спаси и помилуй.

Зазвонил телефон. Я его на этот раз не забыла. Сын.

– Мам, как насчёт выходных?

– Без понятия. А есть какие-то предложения?

– Вдвоём бы побыть... – ответил сынок. – Мам, ну ты ж понимаешь...

Понимаю... Никаких жарких стран не предвидится.

– Мам, ты гуляешь?

– Да, дышу свежим воздухом.

– А папа в библиотеку уехал. Можешь домой возвращаться.

Вот спасибо за добрую весть! Я как цуцик замёрзла.

До чего ж приятно пройтись по чистой квартире!

Справа – гостиная, слева – кухня, за ними – моя комнатка, правда, Митя её считает своей, (раньше она была детской Антона) и кабинет Акселя, заваленный сверху донизу журналами, газетами, книгами, папками, вырезками. Ни с чем не может расстаться. Плюшкин.

Ах, какая неожиданность. Он всё же разгрёб свой кабинет.

Есть у нас ещё одна комнатка, крошечная, Mädchenzimmer¹¹, нам она служит кладовкой. Там полно всякой всячины, надо бы выбросить половину, да руки всё не доходят. Пылесос, ведро, гладильную доску – оставлю, гвозди, молотки, плоскогубцы – по ящичкам разложу, на стремянку залезу и верхние полки освобожу. Что это? Блин. Так вот куда Аксель старые подшивки припрятал. Я думала, в мусорку снёс. В контейнер с надписью «Бумага-картон». Думала, не один контейнер заполнил.

Я всё решительно скинула вниз. Только вырезки оставила, в папку сложила, села на стремянку и прочитала одну. Это была статья Евгения Руге. Он – писатель. За свой дебютный

¹¹ Комната для женской прислуги.

роман «In Zeiten des abnehmenden Lichts»¹² получил Немецкую Книжную премию 2011 года.

Статья называлась «Der Krieg gegen Russland»¹³, он её написал после тех страшных событий в Одессе.

Он вынужден, прочла я, прервать свою работу, потому что выбит из равновесия, потому что спрашивает себя, зачем писать книги, если будущего, возможно, не будет. Он знает, это звучит патетично. И такие, как он, кто к чему-то зовёт, кто напоминает о чём-то, не воспринимаются всерьёз. Только не забудем: политическая эскалация, которая чуть не привела к войне между супердержавами, возникла в 1962 году, когда Советский Союз собрался разместить атомное оружие на Кубе и угрожал США. То же происходит и сегодня. Только с точностью наоборот. Ситуация в Украине взрывоопасна, и не нужно быть пророком, чтобы предсказать: эскалация ускоряется. Проевропейский политик Юлия Тимошенко предложила взять «Калашников» и перебить всех русских. Её предложение на Западе не особенно критиковали. И – не избранное – украинское правительство пытается осуществить это предложение.

В Одессе убиты майдановцами 40 человек. Но немецкое радио так преподносит сообщение, так формулирует, пережевывает, что оно каким-то образом, неизвестно, каким, превращается в свою противоположность. Повсюду трубят о

¹² «Во времена убывающего света».

¹³ «Война против России», Eugen Rüge, 8 Mai 2014, Die Zeit № 20.

влиянии и вмешательстве Путина. А что с вмешательством Кэрри? Что делает шеф *СИА* в Украине? То, что население Крыма проголосовало за выход из Украины, обозначается не иначе, как «аннексия». То, что не избранное правительство ведёт военные действия против населения, называется «мерами против прорусских сепаратистов». А «прорусские сепаратисты» – это «вражеские группировки, против которых необходимо выступить».

Нечто подобное, писал дальше Руге, он уже пережил в ГДР – у него в ГДР тоже было такое чувство, которое сводило с ума, потому что простейшие вещи, факты «не замечались». Как теперь в ФРГ. Ни слова о том, что кризис в Украине был вызван Европейским Союзом. Мануэль Барросо, и никто другой, сформулировал весной 2013 года, что «Украина должна решить»: или, или. Или Евросоюз, или Таможенный Союз с Россией.

Но ведь ясно было заранее, что такое давление на расколотившую страну, в которой прорусские и проевропейские силы примерно равны, приведёт к разрыву. Почему же Евросоюз тем не менее всё равно давил?

Всё во имя и ради горячо провозглашаемой свободы, свободы инакомыслия, то есть свободы думать по-другому – такая аргументация постоянно и весьма охотно использовалась против ГДР, против социализма. По праву. Россия и сегодня всё что угодно, только не образцовая демократия, и он, Руге, если бы жил в России, был бы, очевидно, против-

ником Путина.

Но ценности, которые представляет *этот* Евросоюз, которые с риском войны насаждаются на другие культуры и народы, он ставит под сомнение. Он, гражданин бывшей ГДР, понимает тех, кто живёт в недостатке и бедности, тех, кому Евросоюз издалека представляется большой красочной витриной. И в сущности так оно есть – несмотря на попытки Брюсселя сгладить противоречия, разрешить проблемы, связанные с темпом роста и глобализации, нельзя не видеть, что Евросоюз в своей основе и есть то самое: сообщество к востребованию темпов роста и глобализации. И эти темпы роста мы дорого оплачиваем – ухудшение окружающей среды снижает качество жизни. Возникает вопрос: кому эти темпы роста принесут что-то хорошее?

Когда Руге бежал из ГДР в Западную Германию, он не мог упрекнуть ФРГ в том, что она склонна к экспансии. Пусть даже ФРГ и считала свою экономику сильнее, свои ценности и свою демократию лучше, чем в большинстве других стран мира, она не пыталась навязывать эти ценности другим народам. После возникновения Евросоюза всё изменилось. Евросоюз расширяется, распространяет свою систему ценностей на всё новых и новых членов, которые рано или поздно становятся членами НАТО. Поэтому переговоры по включению Украины в ЕС были и переговорами по её будущей принадлежности к блоку НАТО.

Франк-Вальтер Штайнмайер¹⁴ исключал её вступление в НАТО. Но насколько это правдоподобно? Ведь всё говорит о противоположном: и опыт со вступлением в НАТО восточно-европейских стран, и характер переговоров с Украиной («или-или»), и то, что сам ЕС в его нынешнем виде – близнец НАТО и верный вассал США.

ЕС не в состоянии повлиять на украинских политиков. Стратегию уже давным-давно определяют США. Было бы глупо верить, что украинское руководство действует против так называемых прорусских сепаратистов (отказываясь от переговоров с ними) без одобрения и поддержки своего великого партнёра, от которого Украина десятилетиями будет зависеть в военных и экономических вопросах. По существу США уже ведут войну против России. В этой войне не будет победителей, а шанс ЕС ещё хоть как-то повлиять на события очень мал. И уменьшается с каждым днём.

В 2014 году мы вспоминаем Первую Мировую войну, разодравшую Европу. Нам нельзя забывать и о конце этой войны, о том, что поверженная Германия и последствия Версальского договора стали причиной следующей войны.

¹⁴ Тогдашний министр иностранных дел ФРГ.

Аксель

Я вернулся с полными сумками, крикнул:

– Это я!

И никто не откликнулся! Не поспешил мне навстречу! Я крикнул погромче:

– Я всего накупил! Приглашаю на ужин!

Из кладовки вышла Людмила с таким отчуждённым лицом, будто уж кого-кого, а меня-то она и не ожидала увидеть, постояла мгновение, свыкаясь с моим прямо-таки неожиданным появлением, глаза отвела.

– Я убирала.

Пока она что-то там убирала, я нарезал хлеб, сыр, колбасу и ни сном, ни духом не ведал, что это с ней, а спрашивать не хотел – чревато. Надоели мне все эти выяснения, перепады настроения, никогда не знаешь, что ждать. Уходил – кипятилась, вернулся – холодом обдаёт.

Не то чтоб я ожидал, жена на шею мне бросится, ах, это ты, скажет, но всё же... в глубине души, в самой, в самой глубинке, надеялся.

Всего-то несколько слов: это ты! Милый ты мой!

Но нет, не дождался.

Людмила

Длинный, тощий, взъерошенный, в этой своей шапке-ушанке, которую я ему давным-давно подарила. Широко улыбается. Приглашает на ужин.

Я же его куда подальше послала, а он вид делает, что не посылала.

Может, и мне сделать?

А, может, как раз потому, что послала, он стал таким шёлковым?

Да кто же их знает!.. Галина рассказывала, как Петера обругала, правда, по-немецки, и на него это так подействовало, что он потом только и повторял: «Галинка, Галинка!»

А что она такого сказала? Сказала: «Ты – дырка в заднице!»

И в самую, в ту самую, точку попала. Это страшнейшее ругательство для немца. Для наших ушей пустячное, а для них!..

– Почему обругала?

– Довёл! Крым, Украина, «аннексия», «оккупация». Чья бы корова мычала, а его бы молчала!

– И ты его аршлохом назвала.

– Ты меня знаешь, я «отборных» слов не люблю, а тут вырвалось. Я сама потом испугалась. Лежу, реву, сама себя не узнаю. Но, видишь, подействовало! А то у них такая над-по-

зиция, всё нас поучают, всё лучше нас знают.

– Да.

– Тяжело. Позвонила подруге, теперь уже бывшей, в Одессу, спросила про Дом Профсоюзов. А она мне: «Погорели алкаши и наркоманы, о том же, сколько работяг погибло на Донбассе – по вине агрессора! – так Россия молчит!» Тут Петер со своими советами: не надо трубку бросать, не руби с плеча, успокойся. Не могу!! Уйди, говорю, уйди от греха подальше! Он, родной мне человек, а не понимает!

– А ты?

– А я, когда сил хватает, объясняю, втолковываю. А когда не хватает, задыхаюсь от несправедливости, во мне ненависть поднимается к ЗЛУ, к его адептам, лжецам, пустобрёхам, слепцам. К старухе Европе, которая делает вид, что нигде ничего не горит и фашисты из всех прорех не повылазили.

Да, да, да...

Я, не помню, когда, спросила у Аксея, почему в Германии не запрещены подобные партии?

– Потому что у нас демократия, все имеют право на...

– ...на убийства, на преступления?

– Что?

– То-то и оно, что преступления и убийства караются законом, то есть «право» ограничивается.

Ему крыть нечем, он заводится.

И я завожусь.

Видеть его не могу.

– Сударыня, прошу к столу! – Он в кладовку ко мне заглянул.

Я всё ещё в кладовке сидела. Газетные и журнальные вырезки сортировала, с пола подбирала, по стопкам раскладывала. Ведь это его, его вырезки! Его подборка! Он всё это читал, думал о чём-то, сопоставлял, собирал статьи, интервью, эссе, очерки, в которых была иная, не общепринятая точка зрения на события.

Но, блин, упорно придерживался последней.

Почему?

Спрошу. Спокойно спрошу, спокойно выслушаю.

Неважнецкий я собеседник.

Аксель

Я понимал, что моя затея с «ужином при свечах» провалилась. Людмила хотела о чём-то спросить, но не спрашивала. Я тоже не лез на рожон, только, упреждая вопрос, заверил, что вынесу из кладовки «макулатуру», завтра же вынесу, пусть не волнуется.

Надо было её в кафе пригласить. В ресторан. Но она б отказалась: ах, я не готова!

Надо было не с сумками заявляться, а с цветами.

В следующий раз букет принесу.

А как хорошо мы вчера с Петером посидели! Наговориться не могли! И, слово за словом, выяснилось, что мы росли... в одном дворе! Меня он не помнил, я пацан был, а сестру мою вспомнил!

Нет, ну бывает такое? Росли в одном дворе!

А 13 августа 1961 года появились солдаты. Одни, с автоматами, никого не подпускали, другие, из стройбата, устанавливали бетонные плиты. Мне было четыре, но я помню, какое смятение началось. Кто-то выпрыгивал из окон на ту, на Западную сторону, потом окна-двери и все щели замуровали.

Петер тоже туда махнул.

И нас разделила Стена.

Западный Берлин, обнесённый Стеной, стал островом по-

среди ГДР. «Островитяне» общались с «материком», с ФРГ, только по специальным коридорам.

К нам они могли приезжать только по специальным пропускам, только через специальные контрольные пункты и только за плату – 25 западных марок в сутки.

А нас к ним не пускали. Заперли в ГДР.

Сестра вырвалась – вышла замуж. Если бы бежала, она не смогла бы к нам приезжать, бежавшим запрещался въезд в ГДР. Но она не бежала и поэтому к нам приезжала. Сколько было радости! Даже отец смирился, несмотря на их политические разногласия и на неприятности по работе – связи с западниками не поощрялись.

Но у всех почти там были родственники. Все с нетерпением ожидали посылок, особенно на рождество – эти сверкающие ёлочные игрушки, блестящие пакеты с подарками, коробки необычайно вкусных конфет, пряников, коржиков, марципана... сказка! Рождественский сон!

Люблю рождество.

О чём мы ещё с Петером говорили? О путешествиях. Петер с Галиной побывал в Сибири, на Байкале, в Новосибирске, откуда Галина родом. Этим летом они поедут по Транссибирской дороге.

А я не рвусь в Зауралье, на родину Людмилы. Она туда каждый год ездит, «домой», как она говорит. Оставляет меня одного на целый месяц. И каждый раз я боюсь, а вдруг она там останется?

Людмила

Мы с Митей добрались до детской площадки, где должны были встретиться с Настей и Машей. Мы так давно их не видели! Целых две недели! Они отдыхали на море. А мы скучали, очень по ним соскучились.

Маша со всех ног припустила к нам, а Митя не побежал навстречу, спрятался за меня.

Я возмутилась. Что за пацан? Ведь мечтал с Машей встретиться. А теперь, когда мечта – вот она, сдрейфил.

– Что, друг дорогой, домой пойдём?

– Нет, – Митя шагнул к Маше. Безоговорочно сообщил: – Мы будем играть, как я скажу.

Здрасьте вам с кисточкой. Да с такими замашками диктаторскими вряд ли он найдёт понимание у милой Машуни.

– Хорошо, – согласилась эта славная девочка. – Сначала мы поиграем, как ты хочешь, а потом как я.

Пока дети, по желанию Митьки, в полицейских играли – а в кого же ещё? – и то один другого в тюрьму сажал, то этот другой сбегал, мы с Настей не могли нарадоваться, наглядеться друг на друга.

Прибежал Митя:

– Я не хочу играть в лошадей.

– А ты через «не хочу», дорогой. Ведь теперь Машина очередь.

– Я люблю скакать, – Маша фыркнула по-лошадиному, – я скакаю быстрее, чем бабана.

– А я, – заверил Митя, – ещё быстрее.

Они ускакали, и я посмеялась:

– Полиглоты. Уже и по-турецки чешут: бабаанне. Но это бабушка по отцу. А ты ей – аннеанне.

Настя тоже засмеялась:

– Я – баба На. Маша просто сокращает. Вторую бабушку, Лизу, Маша зовёт не ома Лиза, а О'Лиза.

– Да? А почему не просто по имени?

– Дочка против. Дочка хочет, чтобы всё было правильно: «баба Настя», «ома Лиза».

– Попробовал бы Митька меня «бабой Люсей» назвать, я бы ему!.. Ну, расскажи, как отдохнули?

Настя с Кришаном и Машей были в Турции. Там – почти никого, немцы туда перестали летать, боятся терактов и Эрдогана. Но одна наша знакомая турчанка запротестовала: ах, ерунда! Это пропаганда! Там (на Турецкой Ривьере) тихо, спокойно, солнце, море – тёплое, ещё и купаться можно.

Дети набегались и пошли кататься на горке. Я с изумлением наблюдала за перевоплощением Мити – он по-рыцарски помогал Маше забраться наверх, за ручку держал, когда они вместе скатывались.

Ну и дела. В считанные минуты Маша превратила пацана в «рыцаря».

Мы, кстати, были единственные бабки на всей огромной

площадке. Да нам с Настей медали нужно дать! Здесь бабки и дедки, за исключением турецких, не очень-то с внучатами носятся.

Может, и носились бы, если б им деток давали.

Здесь мамы рожают, когда им самим впору бабками быть, вот детишек от бабок и ограждают, чтоб конкуренции избежать!

– Одно плохо, – пожаловалась я, – Митька вечно ревет, не хочет домой...

– И у нас то же самое, – пожаловалась Настя.

Настин рассказ

– Ich bin ein Mensch¹⁵, – сказала Маша, и я запомнила дату: 25 ноября 2016 года. Мы втроём были в Аланье, на турецкой Ривьере. Я думала, тяжело будет с четырёхлетним ребёнком. Но все страхи оказались напрасны. Маша не унывала, если был ливень:

– Ничего, наденем плащи, сапоги и пойдём гулять, я обожаю дождь и лужи.

Мы пошли и, став «лягушонками», квакали все втроём в унисон. Не просто так квакали, как вскоре выяснилось, выводили мелодию «Эх, полным полно моя коробушка, есть и ситцы, и парча...»

Маша всплёскивала ручонками и повторяла:

– Как красиво! Море! Пальмы! Ещё, ещё погуляем!

– Темно уже...

– Да, в темноте!

Мы пошли к светящимся фонтанам, цветникам, на детских площадках в кого только ни играли... Вернулись в отель.

Тихо легли, читали шёпотом (Кришан сразу заснул), у меня тоже глаза закрывались, но Маша попросила:

– А теперь расскажи сказку *своим ротом*.

С утра, пока мы собирались на пляж, Маша рисовала ко-

¹⁵ – Я – человек.

шек и подписывала: ГОР. На четвёртом рисунке она написала: ГОРА.

Это первые слова, которые Маша написала сама.

Построили дом из песка. Маша спросила:

– А зачем тебе вымечки?

– Титечки. Я кормила твою мамочку молоком.

– Да, я раньше была мамочка, а теперь я стала детка.

Мистика. С учётом, ха-ха, «ГОР», «ГОРА»...

Мы сидели в кафе. Маша ела пирожное, пила турецкий чай, рассказывала:

– Когда ты была маленькая, я кормила тебя. Я была твоя мама. В коляске тебя тащила. Из вымечки (показала на свою левую грудь) кормила. И деду тоже.

Маша перешла на немецкий язык и всё это пересказала Кришану, показывая на правую грудь.

– Als du, Djeda, klein war, ich habe dir Milch gegeben. Ich war deine Mutter¹⁶. И дала ему, – рассказывала Маша дальше по-русски, – котлетку. Он съел, а ты не хотела есть. Я построила вам... нет, я построила нам ваш красивый старый дом. Фотографировала вас много-много. Покажу потом фотографии.

Я слушала и думала про Гора. Всё закономерно, во всём цикличность – ребёнок, ещё не умеющий читать (мы ещё только-только буквы в слоги складываем) и писать, подписывается «ГОР» и знает априори наши корни.

¹⁶ Когда ты, деда, был маленький, я давала тебе молоко. Я была твоя мать.

Гор – египетский бог с головой сокола, он – высота, небо, крылатое солнце.

Гор есть в нашей книге «Семь чудес света». Маша, как и я, любит эту книгу с картинками, и мы её перед сном разглядываем, читаем.

В музее Машу поразила Геракл. Маша его долго разглядывала.

– У него мускулы, – заключила.

Вечером в отеле Маша рисовала меня и себя с мускулами. . . . Ха-ха! Это мы с ней спортом занимаемся. Мускулы – кружочки на плечах, по одному на каждом.

– Замечательный рисунок, – говорю. – Подарим его деду на рождество?

– Подарим! А тебе я подарю украшение! Бусы! И браслет!

На следующий день они с Кришаном зашли в магазин и купили мне серёжки-снежинки.

И весь день потом Маша готовила подарки. Заворачивала в салфетки изюм, орешки, морские камешки.

То, что для других, может, обычно: ребёнок говорит на двух языках, для меня всё ещё – чудо. Дочка, незадолго до рождения Маши, мне вдруг объявила: зачем ей русский, если она в Германии? Я рыдала неделю. Не поговорить с родной внучкой по душам? Пушкина не прочесть? Наши песни не спеть? Но дочка перерешила:

– Мы поговорили с мужем. Он сначала сказал: «Я не буду

вас понимать!» А сам учил русский в школе. И да, это было бы грустно, если ребёнок не будет знать языка своей матери.

«Зарницы», – говорит Маша, имея ввиду: «жениться».

– Тут зарницы, – она показывает на свадебный кортеж.

– Баба На, это чьи *зоки*?¹⁷. Деды?

– Да, это его носки.

– А эти *зонненбрьлы*?¹⁸.

– Эти солнцезащитные очки тоже его.

– А где наши?

– Где наши, не помню, давай поищем.

Долго искали, нашли, надели. На море пошли. Маша пела:

– Я на солнышке лежу, Я на солнышко гляжу...

Я зашивала дырки на колготках. Маша подавала мне нужные нитки, ножницы, спросила:

– Что это?

– Это метр. Сейчас покажу, как им измерять.

Час или два Маша измеряла высоту и ширину стола, стульев, наших ног и прочего.

Я пошла в душ, вернулась, смотрю, Маша сделала пару стежков.

– Ты шила?

– Да... – Маша глазки опустила, не знала, плохо это или хорошо.

Вдела я нитку в иголку, дала ей, и мы обе, как сказала Ма-

¹⁷ Socken.

¹⁸ Sonnenbrille.

ша, *работали*. Я подшивала штанишки, Маша одежду для куколок... Занималась словообразованием:

– Вкусно – вкуснятина. Дружно... нужно сказать: *дружнятина*.

Дружно рисуем. На пляже. Я – отдыхающих, Маша – «Гору в Аланье». Над горой – две фигуры.

– Это ты, баба На, а это я.

– А деда где?

– Вот он! На солнышке греется!

И правда, внизу у горы – третья фигурка.

Маша хохочет.

Радостный человек!

– Мы здесь долго-долго будем жить, ещё одну *Wochenende*¹⁹ и ещё одну...

То есть она, ха-ха, отмеряла время выходными.

Мы бродили по берегу, набирали воду в ведёрко, строили крепость для лошадок.

«Advent, Advent, das erste Lichtlein brennt!»²⁰ – написала дочка.

До нас дошло, что зима!

А мы – загораем!

И даже купаемся! В декабре!

Поехали в крепость, почти всю её обошли, забрались на-

¹⁹ Выходные.

²⁰ К первому адвенту зажигают одну свечку на венке с четырьмя свечками.

верх, и Маша, раскинув ручки, кружилась «как принцесса, ведь здесь раньше танцевали принцессы и пираты!» Шли пешком вниз. Любовались кактусами, скалами. Маша – молодец! Весело топала. И мы не подкачали, насилу дошли по этим крутым склонам, многочисленным лестницам, высоким ступеням... не успели присесть, как я стала «пиратом», Маша – «принцессой».

– У нас сейчас будет *свадьба*,

– Что, Маш?

– *Свадьва*. Пират и принцесса женятся.

– А деда?

– Деда будет петь.

– О nein, nein... – Кришан тяжело вздохнул, но всё же напел

«Свадебный марш» Мендельсона.

На берегу собака залаяла. Маша обрадовалась:

– Sie singt mit!²¹

Сколько радости в Маше! Всему радуется человек! Проносится по фойе, тормозит возле ёлки. В нашем отеле ёлку поставили! А в городе рождественскую ярмарку устроили.

– О, будет много, много подарков! Дед Мороз мне принесёт...

– Маш, всё тебе да тебе. А ему что ты подаришь?

– Кому?

– Деду? Маме? Папе?

²¹ Она тебе подпевает!

– Я всем всё приготовлю! Я нарисую!

Рисуем.

– Ну тогда, – Маша сердится, – я заберу у тебя свою кисточку!

– Забирай, я другую возьму. Только не понимаю, почему ты на меня сердишься. Я же тебя так люблю.

– И я тебя люблю, баба На, сильно-сильно!

– И деду.

– И деду, – Маша побежала к Кришану. – Djeda, ich liebe dich! Sehr! Und wir werden Russisch lernen. Einverstanden?

– Gut. Einverstanden²².

– Хорошо. Согласен.

Маша взяла его за руку, повела по номеру, остановилась.

– Деда, скажи: часы!

– Часы, – повторил он послушно.

– Ну видишь, деда, ты можешь. А теперь смотри, – Маша принесла свою музыкальную азбуку, показала все буквы от «А» до «Я», объяснила, что делать. – Нажимаешь на кнопочку, – Маша нажала, – и слушаешь. «Буква Э. Экскаватор. Эскимо. Эскимос». Тут всё нарисовано, – она поводила пальчиком по картинкам. Потом объявила: – Сейчас мы будем играть в цирк. Баба На, иди сюда!

– Пожалуйста.

– Баба На, иди сюда, пожалуйста.

Маша усадила нас в кресла, устроила на полу арену, выве-

²² Деда, я тебя люблю! Очень! И мы будем учить русский. Согласен?

ла на арену всех своих лошадок, и представление началось.

Я всё ещё с замиранием сердца слушаю, как она говорит по-русски. Мне всё ещё в это не верится. Маша ходит в немецкий детсад и по-русски говорит только с мамой и со мной.

И как бы я ни уставала играть с Машей во все её игры, я играю – чтобы она учила русский язык.

Когда мы идём гулять, Маша в кого-нибудь перевоплощается, сообщая при этом:

– Я – маленький козлёнок. Ты – коза. А деда – коз.

После обеда Маша спит на пляже под зонтиком. Просыпается:

– А давай, баба На, ты будешь лошадкой, а я буду...

– Маша! То ты коза, то лягушка, то ещё какая-нибудь зверушка, а когда же ты просто Маша?

– Баааба На! Когда я сплю.

Маша гладила маленьким утюжком одежду поросёнка.

– Баба На, мы – *свиношки*. Ты – *пиа*. – *свиношка*, я – мама.

Она усадила себе на коленки поросёнка и сообщила:

– У нас родился ребёнок.

– Какой хорошенький у нас поросёнок.

На обед «кормили» его пюре и курицей, уговаривали морковку погрызть, соком поили, долго спать укладывали.

Маша проснулась радостная, хохочет.

Пошли гулять под дождём, наш «ребёнок» – с нами.

Маша не нарадуется – всё ей нравится, дождь, мокрые кусты, зонтик, поросёнок, она ему сказки рассказывает. Заворачивает на детскую площадку. Там – ни души.

Бежит к качелям:

– Это наши кареты! А кони удрали! Удрали! – Маша ругает коньков, призывает: – Назад! – Ждёт. Сообщает: – Мы сейчас войдём во дворец и увидим... увидим... принца!

– Лягушонка-королевича?

– Да! – Маша входит «во дворец», поднимает «королевича», держит в ладошках.

И... их (лягушат) становится всё больше и больше, они даже «падают» с потолка...

– *Мы разбогателись!* – кричит Маша. – У нас много *лягушонков!* В отеле Маша становится мамой. Моей.

– Ты мой золотой ребёнок, – Маша чистит меня своей зубной щёткой. – Я покрываю тебя золотым кремом. А я твоя золотая мама, – себя Маша тоже щёткой почистила.

Пока я душ принимала, Маша перевоплотилась в принцессу – с короной, с колечком, волшебной палочкой. Осмотрела себя в зеркале, сказала:

– Вот теперь я красавица.

Мы спустились в ресторан ужинать. Я взяла нам с Машей жареную форель. Не успела оглянуться, в моей тарелке нет хвоста.

– Ой, Маша, а хвост где?

Маша на ротик показывает: съела и не знает, хорошо это или плохо?

Мне смешно. Оказывается, не только я, но и Маша тоже всё в рыбку подъедает, плавники, хвост, глаза... Зубки форељи разглядывала, тоже съесть хотела, но... ха-ха!

Потом она совершила ежевечерний обход. Всем доброго вечера пожелала, побеседовала с каждым величественно.

Она у нас в отеле единственный ребёнок, и все, немцы и турки, её обществом наслаждаются. Одной бабушке Маша подарила корону. Бабушка до слёз растрогалась. Но брат не хотела.

– Das ist Geschenk, – сказала Маша. – Darf man nicht nein sagen²³.

Бабушка потом хотела тайком вернуть мне корону, я засмеялась: подарки назад не берём.

Маша приплясывает от радости, что мы поедем в древнегреческий город на скалах, где живут черепахи.

Мы туда насилу въехали, такой серпантин... припарковались, и Маша, раскинув ручки, закружилась:

– Ура, ура, я научусь лазать по скалам!

Мы влезли. По всем правилам лазательного искусства. Обошли руины, черепах не нашли. Маша меня успокоила:

– Ничего, Нануся, черепах я видела в зоопарке. А где храм?

Вон он! Но там ни одной колонны. Только остов храма.

²³ Это подарок. Нельзя нет говорить.

Устроили на нём пикник. Маша поедала йогурты, любовалась ромашками, ковыль её «щекотил». Нашли крокусы, фиалки и гвоздики.

В декабре! Спустились, ставя ножки не параллельно, а перпендикулярно тропинке.

По дороге домой Маша, пока не заснула, разглядывала книжку про Анатолию, нашла скульптуру Николауса и долго о чём-то думала.

– Не понимаю, – сказала. – Детей много. Как же Николаус ко всем приходит?

– Да, как?

– Ты не знаешь?

– Не знаю.

– И не представляешь?

– Нет. А ты?

– Гномы что ли ему помогают?

– Вполне может быть.

Маша поразмышляла.

– Николаусы ходят не только к детям, – сообщила. – Гномы им не помогают.

– А я думала, помогают, он – один, а гномов – много.

– Не помогают, их, Николаусов, много, они на цыпочках ходят.

Мы сдали машину, сели в тенёчке чаю попить. Маша разговорилась с турчанкой-бабушкой. Бабуля, как и многие

здесь, говорила по-немецки. Предложила Маше:

– Bleib hier mit mir. Oma und Opa kommen wieder in Frühling²⁴.

Маша перевела глаза на меня:

– Она шутит.

Я кивнула, и Маша меня обняла, расцеловала *разноцветными* поцелуями:

– Это голубой, как небо! Это розовый, как заря! Это синий, как море! Это зелёный, как травушка-муравушка! – И всё говорила, как сильно она меня любит. До радуги!

– И я тебя, детонька, сильно-сильно люблю, до неба.

– До солнышка!

– До солнышка и до самых звёздочек.

– А я тебя до луны!

После ужина мы свалились без задних ног.

Вторую ночь Маша к нам забирается. Прошлой ночью я проснулась, понять не могу, где я, тут вроде Кришан, а тут? Проснулась окончательно – это тут Маша лежит. Я её погладила, подождала, когда она заснёт, перенесла в её кроватку.

А сегодня хотела перенести, она же заснула, так нет, мгновенно проснулась, издала протестующий звук, соскочила со своей кроватки и нырнула к нам.

– Маш, – говорю ей утром, – нам тесно втроём.

– Я не буду мешать, обещаю, буду спать с краюшку, пото-

²⁴ Оставайся здесь со мной. Бабушка и дедушка приедут снова весной.

му что с вами так хорошо, тепло, тёплым боком.

Что за день! Солнце! Как нам повезло! Мы шлёпали по волнам, плескались, купались, кувыркались, спортом занимались – прямо на пляже поставлены спортивные снаряды для всех.

Я впала в перманентное состояние счастья!

Маша «варила» суп из песка, «пекла» блины – без усталости замешивала «тесто» в ведёрке, раскатывала его на столе и уговаривала нас съесть ещё один блин. И ещё. Мы так насытились, что и пошевелиться больше не могли. Маша занялась своим поросёнком, кормила его, купала, качала в гамаке, обнимала, ласкала:

– Ах ты мой миленький, славенький, прелесть!

Ждём Николауса. (*Нашего*, ведь их много). Маша почистила кроссовки Кришана и свои башмачки да ещё и пинетки (Кришан на ярмарке для поросёнка купил) поставила, чтобы Николаус мноооого сладостей положил...

Маша заснула, улыбаясь. И смеялась во сне.

Утром она пробралась к подаркам. И была поражена:

– Николаус, как дед Мороз, подарки принёс, а не только сладости!

– Что ты говоришь!

– Да, смотри! Жёлтенький единорог! Как моя жёлтая лошадь!

– И правда!

– Как же Николаус узнал, что мне этот жёлтенький еди-

норог вчера в магазине сильно-сильно понравился? Нануся, это ты сказала ему?

– Нет, я не говорила!

– А как тогда?

– Ну... он такой вездесущий.

– «Везде»... какой? Не понимаю.

– Всеведущий. Всевидящий.

– А, понимаю! Николаусы ночью были везде. Мы спали, их не видели. Они живут на высокой горе. Там дверь.

– Дверь в самой горе?

– Да. И окошки. Поэтому Николаусы всё видят.

Картина постепенно проясняется. Завораживающая картина. Сверкающая белоснежная гора, в ней разной формы окошки, жёлтые, нет, разноцветные, радужные. Дверь открывается, Николаусы разлетаются. На санках с оленями. Там ещё олени живут. И разные звери. Какие? Лошади и единороги. Наплывает воспоминание. Мы с Машей пришли на рождественскую ярмарку, покатались на всех каруселях, на поезде. Вдруг снег пошёл. Нет, не настоящий, из какой-то машинки вылетали «снежные» хлопья. Сквозь них проступила карета. С кучером на облучке. Конь в яблоках фыркнул. Настоящий! А не из папье-маше.

Кучер пригласил нас садиться.

Мы забрались в карету.

Поехали.

Притихшая Маша замороженно следила за кучером, за

крупом коня, переводила глазёнки на карету, колёса, кожаную обивку сидений, мы бесшумно катили по улочкам...

Сказочный сюжет для рисунка.

И снова солнце! Просто невероятно! Как повезло с погодой! Весь день были на пляже, купались. Вода – лазоревая, прозрачная, тёплая.

– Я плыву! – радовалась Маша. – Я научилась плавать!

В отель возвращались по берегу, смотрели, как солнце садится.

– Но как же, – поражалась Маша, – если оно *растаяет* в море, то завтра...

– Оно снова взойдёт. Оно не тает, оно просто закатывается за горизонт.

– Я знаю, я смотрела фильм по телевизору, там тоже говорили: горизонт.

Хорошая память у Маши. Всё запоминает, что видит и слышит. Узнаёт «в лицо» на фотографиях храм Аполлона в Сиде, амфитеатр. К Гераклу и к Зевсу относится как к родным, обожает маленького проказника Гермеса:

– Нануся, смотри, я кто? Я лечу!

– Крылатый конёк?

– Нет, смотри, у меня сандалики. На них крылышки. Значит, я кто?

– Гермес?

– Да! Когда он был маленький!

И понеслась.

Эти ножки в сандаликах...

Дочка написала:

«Дорогие наши! Поздравляем и вас с Николаусом! Надо же, как здорово, купались! А здесь +4... Я простыла, плашмя лежу».

Маша выбрала красивую открытку и попросила написать родителям:

– Я желаю вам прекрасного дня для лежания и выздоровления и красивого дня для работы.

Вот это да! Снова купались!! Весь день провели на пляже, весь день играли с дочкой хозяина пляжа, её зовут Dolunay, хозяин объяснил, что оно означает: «Полная луна». Чем мы только ни занимались! И печенье пекли, и единорога купали, и каналы прокладывали, пили чай, благодарили:

– Чок тешекир эдерим!

Девочка хохотала, не понимала, что мы говорим. А мы, кроме «большое спасибо», ничего по-турецки не знали. Объяснялись с ней руками-ногами и отлично находили общий язык.

Когда из громкоговорителей на мечети понёсся протяжный призыв к молитве, Маша сказала:

– Это Аллах поёт.

Девочка повторила:

– Allah.

– Нет, Маша, это мулла возносит молитву Аллаху.

– Да-да, я забыла, они... я забыла, кто...

– Мусульмане.

– Да, у них Аллах, а у нас Бог.

Девочки умчались, а вечером Маша спросила:

– А знаешь, почему сегодня хорошая погода?

– Почему?

– Я утром вышла на балкон и попросила Аллаха, Бога и Зевса, чтобы он все тучки разогнал.

Ах вот почему!..

Мы проголодались, и Маша стала раздумывать, что на ужин возьмёт:

– Я залюбила каламари!

– Ой, и я! Я тоже люблю кальмаров.

– И деда! Djeda! Isst du gern Calamari?

– Tintenfisch? Natürlich. Ich mag alles, was meine liebe Frau und meine liebe Puppì mögen²⁵.

Маша удивилась:

– Деда – твой муж?

– Да, а я его жена. Твой папа – муж мамы, а мама – его жена.

– А мой муж где?

– Ты ещё маленькая. Вырастешь, и будет у тебя муж.

– Но жить я буду с мамой. Потому что я её люблю.

– Ты соскучилась по мамочке?

– Да, соскучилась. И по папе.

²⁵ – Деда, ты с охотой ешь каламари?– Кальмары? Конечно. Мне всё нравится, что нравится моей любимой жене и моей любимой Куколке.

– Я тоже соскучилась. Через два дня увидимся!

Слава богу, ничего не случилось, не приключилось, не, не, не, привезём Машу отдохнувшую, загоревшую, здоровую.

– Почему мы должны уезжать... – Маша меня обняла и заплакала.

– Отпуск заканчивается. Зато скоро маму увидим! И папу! Они тоже по нам соскучились!

– Хочу с тобой...

– Я никуда не денусь, Маш, приезжать буду. А в детском садике как тебя ждут! У вас будет рождественский утренник!

Утешала Машу, заговаривала, радость вселяла – в будущее, грусть гасила – по прошедшему. Сказку про *какое-то существо* рассказывала:

– Жил-был зайчонок. Он хотел подружиться с лисёнком. Пошёл друга искать. А навстречу ему... какое-то существо.

Маша радостно затаилась.

– Я знаю, я знаю, закричал зайчонок, ты – лисёнок! Ха-ха-ха, засмеялось существо. У лисёнка – шерстка, а у меня – иголки!

– Это ёжик, ёжик! – обрадовалась Маша.

– Верно! Пошли зайчонок и ёжик дальше по лесу, идут, идут, а навстречу им... какое-то существо.

Дочка написала:

«Здесь солнечно, +4. А у вас? У меня странная температура, вечером 37,2, а днём 35».

Я забеспокоилась:

«Это нехорошая температура, детка, бронхитная. Надо что-то делать. А мы опять купались. Маша сказала: соскучилась по мамочке. И по папе тоже».

«Ах ты господи, дитёнышек маленький. Мы тоже соскучились. Как вам хорошо, так тепло! Бронхитная, говоришь? А врачиха ничего не сказала. Тогда пойду завтра к «ухо-горло-носу». Приятного вечера! Целуем».

На пляже мы снова что-то «пекли».

– Проходите, гости дорогие, – зазывала Маша, – угощайтесь, вот вам торт и *кусочек* вина.

Рисовали, читали. Маша сочиняла стихи, искала рифму:

– Колено-полено!

Разглядывала мою кофточку:

– Это сабля!

– Где?

– Вот!

– А! Это цапля.

– Я и говорю: сапля.

– Цапля.

– Цабля.

Перед сном – и это одна из тех картин, которые остаются в памяти – Маша баюкала своего поросёнка-ребёнка и пела ему колыбельную:

– Спи, а-а-а, спи, мой миленький, спи, славненький, а-а-а...

Я пошла умываться.

– Баба На-а-а-а-а-а!

– Что, Машенька?

– Не хочу домой... – Маша заплакала. – Не хочу завтра домой...

Я легла рядом, погладила спинку, провела по Машиным крошечным позвонкам, по лопаточкам, ладошки поцеловала. Как же так получилось? Мне кажется, ни мои братья, ни дочка так меня не любили, как Маша. И не то чтобы мне грустно – я же Машу учу не грустить, что прощаемся, а радоваться, что снова увидимся, – но и, конечно, не весело. Я целую Машины щёчки, носик, глазки, губёшки и думаю, какая же я счастливая.

Людмила

Я Настю утешила:

– Митька тоже ревёт, не хочет домой. Конечно, у меня приволье, делает, что хочет... Так Маша папу и маму ещё не видела?

– Нет, оба свалились, у дочки бронхит, у зятя ОРЗ.

– Бедняги. Ничего, отлежатся, главное, Машу не заразить.

Маша и Митя потянули нас с этой площадки на следующую, я им уже счёт потеряла.

– Хорошо, но так и знайте, это последняя! Потом пойдём обедать.

– Я не хочу, – затыкнул Митька, – после обеда спать...

– Спать – дело святое!

Митька знал, что спорить бесполезно, и сдался без боя. И не потому, что я такая поборница сна, но его мама завёрнута на режиме дня. Будь её воля, мы бы жили строго по расписанию. Будь она моя дочь, я бы забила на весь этот ворох ЦУ, но жену сына я отшить не могу. Вдруг непрочно пришито? Уйдёт, Митьку с собой заберёт, только его и видели...

Я осадилась себя, не накарай! И позавидовала Насте от всей души:

– У вас с Кришаном всё так гармонично. Кришан надёжный, спокойный, не суетный. А мой! Из-за всего схватываюсь. Знаю, знаю, ты скажешь, что и у вас разногласия, но

Кришан – западник, они тикают по-другому! А мой-то – восточник! А туда же...

– И пусть. Пусть по-своему думают, а мы по-своему.

– Я так не могу. Не могу я молчать в тряпочку. Мне сопереживание нужно, понимание. Единомышленники нужны.

– Я твой единомышленник.

– Слава богу.

Мы пошли в пиццерию, взяли кто что, и Маша показала фотографии в телефоне, которые сама сделала.

Митя свои показывал, тоже любит снимать.

Хотел, ха-ха, Николауса сфотографировать. Сын рассказывал: Митька затаился в прихожей, но заснул. Утром поначалу расстроился, а потом издал радостный вопль: «Он приходил, он не забыл, значит, он был!»

В том смысле, что он, и правда, существовал. А то Аксель развёл свою тягомотину:

– Митя, ты же понимаешь, что все эти Николаусы, деды Морозы и Санта Клаусы – сказочные персонажи, а подарки готовим мы, взрослые.

Митя стоял на своём:

– Николаус был на самом деле! Он жил в Турции!

– Что?! – Аксель оторопел.

– Да, – подтвердила я, – в античном городе Мира.

Нам Настя про него написала. Николаус бросал через трубы мешочки с деньгами в дома, где были девушки на выданье, чтобы они могли выйти замуж, а не шли на панель. Этот

обычай – через трубу подарки бросать – переняли англичане и американцы, сотворив своего Санта Клауса.

Аксель был вне себя:

– Чепуха, ерунда!

– В IV веке он был архиереем Миры в малоазиатской Ликии. Сегодня город называется Демра и находится в Турции. Сегодня город называется Демра и находится в Турции.

Я показала ему его же газетёнку за 6.12.16, где на 28-ой странице была колонка «Никто не хочет к Николаусу». Прочитала:

– «Обычно тысячи паломников устремляются 6-ого декабря в античную Миру. Но в этом году почти никого не ожидается на Турецкой Ривьере».

– Да-да, – сказал он (против своей медиальной пропаганды не попрёшь), – я что-то когда-то слышал, будто Николаус откуда-то из Турции, но...

– Он свершил много добрых дел и чудес, и был причислен к лику святых.

– Скажи ещё, что он православный.

– Православный грек по имени Николаос. По-русски – Святой Николай угодник.

– Ах.

– Вот тебе и ах.

– Теперь понимаешь, – спросил Митька, – что он *был*?

Аксель не переносил, когда его уличали хоть в каком-то незнании.

Но меня уличал повседневно.

– Он же – «ноэль баба», – договорила я, – «рождественский дед» по-турецки. По-английски «Сайта Клаус».

Аксель что-то пробормотал и ушёл в интернет.

Я тоже углубилась в историю. (В газетную колонку на 28-ой странице). Николаос родился в портовом городе Патара. Римский император Диоклетиан преследовал его за христианскую веру. Николаос, став первым архиереем Миры, прославился своими чудотворными деяниями (воскресил трёх парней, которых убили и спрятали в солевой бочке) и помощью бедным – он, оставаясь не признанным, забрасывал мешочки, полные золотых монет, через печные трубы в дома, где были девушки на выданье, чтобы они могли вступить в брак. Так как он спасал девушек от проституции, он стал также патроном дев.

После смерти архиерея, он был похоронен в своей церкви в Мире, легенды о нём распространились по всему христианскому миру. В XI столетии итальянские пираты выкрали останки Святого и привезли их в Бари. Лишь те косточки, которые итальянцы проглядели, хранятся сегодня в музее Анталии. Для Демры (античной Миры), родины Святого на Турецкой Ривьере, он, святой Николаус, остаётся и до сегодняшних дней благословением: сюда приезжает много туристов.

Во всяком случае, так было до сих пор, но в этом году туризм в регионе рухнул. Причина тому – теракты в Стамбуле и Анкаре, война в соседней Сирии и вооружённые конфлик-

ты в курдских областях Турции.

Не увеличит число туристов и новый аттракцион – новый музей ликийской культуры в Андриаке, античном порту Мира. Апостол Павел на своём пути в Рим выходил здесь, чтобы пересечь с одного корабля на другой. И вот впервые открыты портовые сооружения, термы, синагоги и церкви того времени. Выставлены находки раскопок в реставрированном римском зернохранилище. Но напрасно ждёт музей своих посетителей. И мусульманским жителям Демры в день Николауса позволительно молить-просить Святого о лучших временах.

Аксель

– Пап, – спросил сын, – у тебя всё в порядке?

– Да... А у вас?

– И у нас. Собирайся.

– Куда?

– Сегодня третий адвент! Приглашаем к нам!

Третий? Уже? Рождество скоро. Ёлку нужно купить.

Шампанское. Красную капусту. Клёцки. Нет, готовые клёцки невкусные, сам сделаю. За гусем 23-его поеду. Мы гуся в деревне заказываем. Уже много-много лет. Но последние года мы никогда точно не знаем, какие планы у наших детей. Они всё решают спонтанно. Как сейчас, с третьим адвентом.

Я собрался, и мы отправились. Здесь недалеко, они рядом живут. Прошли мимо садика, и Митя спросил:

– Люся, ты меня завтра заберёшь?

– Ну только не завтра.

– Почему?

– Мне надо работать.

– А когда? Но только, чтобы надолго.

– Не знаю.

– Мам, ты забыла? – спросил сын. – У них в садике каникулы со следующего понедельника.

– А... да... забыла.

Митя подпрыгнул выше головы, Антон его подхватил,

усадил на плечи, легко взобрался на третий этаж.

Как говорит Людмила, «силушки в нём немерено». Крепкий, круглолицый, добродушный увалень. Курносый, как мать.

Повезло нам с сыном.

И с Юлей повезло – румяная, улыбчивая, гостеприимная. Всё так красиво устроила. Три свечки зажгла на адвентском венке. Пирог испекла.

– Очень вкусный, – нахваливали мы и просили ещё по кусочку. И ещё. Митя, завладев всеобщим вниманием, рассказывал, что научился сидеть под водой долго-долго, Люся засекала...

– Где сидеть? – спросила Юля.

– В ванной, когда я купаюсь. Люся засекает время, я долго выдерживаю. Это нужно, чтобы спасти людей, когда я буду...

– Спасателем?

– Мама, ты меня перебиваешь, – строго заметил Митя.

– Ну хорошо, хорошо, извини. Так кем ты будешь?

– Я буду защитник.

– А! Полицейским станешь, защитник ты мой!

– Мама! Ты не понимаешь. Я не твой, у тебя есть папа, – Митя показал на Антона, – он твой защитник. А я защитник Маши.

Юля засмеялась, обняла Антона.

Да... Не успеют оглянуться, как... я не твой, мама, я её.

Но каков мальчуган, прямо зрит в самую суть: он защитник. И его папа тоже. А я? Да меня бы, ха, ха, самого кто защитил.

Людмила

Автор, которого я переводила, жил в Карлсхорсте²⁶. Я поехала к нему, мы обо всём переговорили. Он хотел подать заявку на чтения в «Литературном шатре». Он был *наш*. Даже с сыном поссорился. Лгут, сказал сын, и те, и другие, но ты, отец, стопроцентно под русской пропагандой.

Я пошла прогуляться. Нечасто здесь бываю. Дождь перестал, солнышко появилось. Мы были здесь летом, когда проходил Русско-немецкий фестиваль, с Настей и Кришаном, Машу и Митю тоже с собой взяли.

Народу, к моему радостному удивлению, было очень много, даже больше, чем в прошлом году. Что вполне соответствовало лейтмотиву «Встреча двух народов».

Я не ахти какая любительница народных гуляний, но меня проняло. Я же думала, что раз Россия такая-сякая, пусто будет на празднике. А народу!., не протолкнуться. Митька и Маша неутомимо катались, скакали и прыгали на всех аттракционах, слушали всех музыкантов, танцевали и пели в толпе детишек. Поедали шашлык, мы, само собой, от них не отставали – настоящий грузинский шашлык! И плов, пирожки, беляши, ой, я наелась! Кришан меня окончательно и бесповоротно потряс. Он пил... «жигулёвское».

– Ты что, – говорю, – Аксель его терпеть не может, обы-

²⁶ Район Берлина, где ежегодно проходит Русско-немецкий фестиваль.

вает «дряню несусветной», давай немецкого возьмём, или чешского!

Нет, он хотел русского, он его пил и... нахваливал!

То есть я ничего вообще не понимала. Немецкие медиа поливают Россию напропалую, а немцы что, им не верят? Или по старой гэдээровской привычке сюда наезжают? Потому что ностальгия заела?

Но Кришан – западник, а вон как радуется. Как ребёнок, честное пионерское, глаза блестят, рот до ушей, хоть завязочки пришей. Это что, немцы выходят из-под контроля официальной политики? Ну, Кришан, положим, никогда под контролем не был, он Настю так любит, что понимает, Россия – мать, была, будет и есть, это для некоторых она в мачеху превратилась.

– Не она, – возразила Настя, – эти некоторые в ней мачеху видят.

Всё, всё, молчу! Так, мне больше не наливать, а то у меня от алкоголя, хоть и жигулёвского, язык развязывается! У немцев же нет такого понятия, как Родина-мать, у них Vaterland, Отечество, поэтому они в своей Muti нуждаются, души в своей Мамочке не чают.

Всё, молчу.

Я в программку фестиваля уткнулась. «Фестивали служат для диалога между культурами двух стран, для взаимного понимания граждан России и Германии. Сегодня,

как никогда, важно сохранить и активно использовать имеющиеся гуманитарные контакты и постараться обеспечить продолжение общественно-гражданского диалога между нашими странами в самых различных областях жизнедеятельности», – подчеркнул председатель правления общества Deutsch-Russische Festtage²⁷.

«Яркие концертно-развлекательные программы, насыщенные российской и немецкой музыкой, зажигательными танцами и выступлениями популярных исполнителей ожидают гостей фестиваля в течение трёх дней».

Мы усадили Митьку и Машу в тележку и пошли к «Литературному шатру», где свои произведения читали русские и немецкие прозаики и поэты. Боря, мой друг, писатель-сатирик, нас уже ждал.

Писателей, как водится, было больше, чем читателей, в смысле, слушателей, но мы громко хлопали, смеялись в нужных местах, создавали, в общем, соответствующую атмосферу. Боря попросил меня помочь с переводом, я, конечно, согласилась, хотя переводить в живую стихи и афоризмы непросто, но я была в ударе и справилась с тяжёлой задачей, даже не ожидала, что так смогу, так, сходу, слёту, сама себе удивлялась, очень жалела, что Аксель не видит. Две дамы-немки после сказали, что без меня ничего бы не поняли, очень благодарили, они каждый год приезжают сюда, им нравится, как звучит русская речь. Меня попросили и назавтра

²⁷ Немецко-русского праздника.

приехать, здесь почему-то переводчик не полагается, предполагается, что слушатели владеют обоими языками, но это не так.

Ох, я расхвасталась!

Но скромно замечу, что и назавтра приехала, и следующим летом тоже приеду. Аксель меня высмеивает: только такие бессребреницы, как я, работают без гонорара.

И ладно.

Я шагала по зимнему бесснежному Карлсхорсту и решительно вспоминала про мой скромный вклад в дело русско-немецкой культуры, про ярмарку «Москва книжная» вспомнила. Я, страстная читательница, со всей своей упёртостью бросилась выбирать что-нибудь себе по душе и, пока выбирала, послушала зажигательную речь какой-то издательницы – нет, честно, речь мне и правда понравилась. Я окопалась возле её стенда и обратила внимание на одного из писателей, гладенького, кругленького, курносого, с импозантной бородкой. Он был вполне в моём вкусе – люблю добрых, пусть и с виду, мужчин. Но он, увы и ох, меня не заметил, он вёл высокоинтеллектуальный разговор с одной из поклонниц. На любовницу она не тянула, хоть и углублялась в интим, я не декольте имею ввиду, а словесное погружение в сферы, скажем так, взаимной приязни полов. Я не пропускала ни слова. Для конспирации спиной к ним встала. Но можно было и без этих мер предосторожности обойтись, русские

за границей уверены, что их не понимают, и в открытую говорят та-а-акое... мало не покажется. А эти двое пока в рамках держались.

Он:

– Да, так ты обещала рассказать о немецких мужчинах.

Какие они.

Она:

– Культивированные.

– А в любви как. – Он не ставил вопросительные знаки в конце, и его вопросы звучали как реплики.

Да и зачем ему задавать вопросы, он, писатель, по роду своей деятельности сам всё знает, а разговор ему помогает проверить свои тезисы.

– Не знаю, – сказала она без тени кокетства.

– Ты! – сказал он.

Комплимент хотел сделать. Я же сразу подумала: добрый!

А она могла и не знать, что уж очень походила на крыску Лариску. Кто на такую польстится. Узкогубая, востроносая, в декольте ничего, кроме рёбер. Но то, что не притягивает русских мужчин, прельщает немецких.

– Я, – сказала она, – не знаю национальных особенностей немецких мужчин в любви, только отдельных их представителей. А ты можешь мне рассказать об особенностях русских женщин?

Я сделалась вся одно ухо.

Он засмеялся:

– Наверное, нет... разве что об отдельных представительницах.

Они взяли кофе, сели за столик, я, сосредоточенно листая какую-то книжку, тоже присела и, подслушивая в нагую, обогащалась его опытом, из которого (он излагал опыт тезисно) следовало:

Если женщина не возбуждает мужчину, он видит в ней человека.

Если женщине мужчина не нравится, она в нём и человека не видит.

Если женщина чувствует, что её не воспринимают как женщину, она пытается его обольстить, чтобы показать, как он слеп. Или теряет к нему интерес, потому что он полный болван, коли не видит в ней женщины.

Если женщина чувствует, что мужчина видит в ней только человека (прежде всего человека), она оскорблена.

Если женщина чувствует, что мужчина видит в ней женщину, она оскорблена, что в ней не видят человека.

– Как тут достигнуть гармонии... – сказала она.

– А так вообще, – поинтересовался он, – есть какие отличия между русскими и немецкими мужчинами.

– Есть. Мне нравится разговаривать с немцами. Они меня изначально принимают всерьёз. А нашим я сначала должна *доказать*, что меня *можно* воспринимать всерьёз. В немцах нет чувства паши. А в наших всё-таки ещё сквозит домострой.

– Тебе верить, так будто бы наши...

– Я и не хотела обобщать, ты меня вынудил. Продолжаю. Русские мужчины избегают сложных разговоров. Но они не боятся больших слов, немцы же осторожничают: *доволен* вместо *счастлив*, ты мне *нравишься* вместо *люблю*.

– И как они в любви признаются? (Писатель поставил в конце вопросительный знак).

– Неохотно. Скорее говорят о практическом – не съехаться ли нам и прочее.

– Как – съехаться! Нашего уж точно в кабалу не затянешь!

– Потому что *кабала*, а они видят в этом *союз*.

– Надо же.

– И что мне ещё нравится в немецком мужчине. Он ищет в женщине партнёра, любовницу, друга, гордится её достижениями, её внешним видом, её воздействием на других мужчин. А русские ревнуют. Русские, как мухи на мёд, липнут к ярким женщинам, загодя вынося ей приговор: только в любовницы, а жена... жена должна быть тихая, неприметная, своя.

– Мда... – сказал писатель, поглядев на меня. – А мы сейчас у девушки спросим, что она думает.

И как рентгеном в моих извилинах прошуршал.

Писатели, конечно, народ прозорливый, но и мы, читатели, не лыком шиты.

Я извлекла из своей мозговой Тмуторокани ответик:

– Я скажу, раз уж вас и моё мнение интересует, что у меня

всё это связано с возрастом. До сорока мне хотелось, чтобы во мне видели человека, а теперь хочется, чтобы – и в первую очередь! – видели женщину. (А не девушку. Он меня, во как, девушкой назвал). (Но спасибо, конечно, за *девушку*).

Аксель

Я изумлялся славному слову «Тмуторокань». Я его откопал в тоненькой книжке «Краткое пособие по Русской истории» В. О. Ключевского. Я же думал: Тьмутаракань. Глушь значит, «тьма» и «таракан». Ан нет.

«Второму сыну Ярослава, Святославу, досталась область днепровского притока Десны, земля Черниговская с отдалённой Муромо-Рязанской окраиной и с азовской колонией Руси Тмутороканью, возникшей на месте старинной византийской колонии Таматарха (Тамань)».

Старший Ярославич, «Изяслав, сел в Киеве, присоединив к нему и Новгородскую волость; значит, в его руках сосредоточились оба конца речного пути «из варяг в греки».

Я столько учился, а не знал про:

а) Тмуторокань;

б) путь Руси «из варяг в греки».

Так и хочется сказать себе и другим (моим студентам): читать надо, развиваться.

Я провёл, как мне кажется, занимательный семинар, дал задание на каникулы (с 19 декабря каникулы) и в электричке по дороге домой читал про *Тмутаракань* – древнерусский город на Таманском полуострове (современная станица Таманская). Основан в 965 году князем Святославом I на месте хазарской Таматархи (античного Гермонасса). Сохранились

остатки кирпичных стен X века, домов, собора 1023, мемориальная надпись (*Тмутараканский камень*). Оставлен жителями в XII веке.

Тмутараканское княжество, просуществовавшее с конца X до начала XII веков, борясь с половцами и Византией, приказало долго жить... вместе со своей прекрасной столицей Тмутаракань. Она была известна как крупный торговый город с хорошей гаванью. Через Тмутаракань поддерживались экономические и политические связи между русскими княжествами, народами Северного Кавказа и Византией. В городе жили зихи, греки, аланы, хазары, славяне и армяне.

Что было с древнегреческим Гермонассом и каков был путь «из варяг в греки», узнаю сегодня вечером.

Дома у нас теперь тишина – Людмила с головой ушла в перевод, – и я оттягивался по полной.

Неделя пролетела как один день.

В пятницу я забрал Митю к нам, а в субботу Юля решила отвезти его к своим родителям. Он – ни в какую. Она уговаривала:

– Но и с моими ты тоже должен побыть. Ведь забудешь, как выглядят.

– Не забуду... – парень зажмурился, удерживая слёзы.

– Только на три дня!

– Три дня!.. – он прерывисто всхлипнул и заревел.

Я, как мужчина, его понимал – ещё три дня не увидится с Машей.

Людмила

Аксель готовил ужин и два часа, пока готовил, слушал радио. Битых два часа вещали про Трампа – про руку Москвы, которая его избрала, про кибератаки Кремля и манипуляции общественным мнением в сетях.

И вторая тема – Алеппо.

Казалось бы, радуйтесь, что игиловцев гонят. Нет, наперебой клеймят Асада и русских, из-за которых страдают мирные жители.

Такая параллель – в защиту граждан Мосула никто не выступал.

Алеппо освобождён! Запад крайне удручён. Аксель по-малкивает – не поймешь, что думает.

А я думаю, что цепляюсь за какую-то систему ценностей – не западных, а общечеловеческих, не христианских, я не верующая, а гуманистических. Незыблемых, как мне казалось, а теперь мне кажется, мы – те, кто цепляется, – вымирающие динозавры. Произошло крушение гуманизма, а я не заметила, когда случилось крушение. Ему на смену пришёл *обещательный глобализм...* кто же так говорит? А я только сейчас поняла это **ВСЕОБЪЁМНО**.

Солженицин так говорил! Вспомнила! Он говорил, что не противостояние Запада и прочего мира – проблема. Но – северных и южных стран. Самоограничение, он говорил. Огра-

ничение потребления? Гуманизм не мог решить эту задачу и потому стал *указующим глобализмом*.

Аксель позвал на ужин.

Не при свечах, слава богу.

Мы поговорили о том, о сём, о важном не заикались. О важном пока невозможно.

Пока!

Всё то же: пока.

Я ещё надеюсь, что мы ПОТОМ разберёмся?

Когда остынут эмоции, угаснут обиды... Ведь когда-то же станет полегче?

Он отправился почитать, я убрала со стола, загрузила мойку, оттёрла плиту, пошла посмотреть новости и сначала не поняла, что показывают – вроде церковь Памяти, рождественская ярмарка вроде, всё оцеплено полицией, комментатор что-то рассказывает, министр внутренних дел выступит, говорит, причина ещё не известна, может, авария... Мне минут несколько потребовалось, чтобы понять – это вторая Ницца. Я включила программу *euronews*. Грузовик протаранил ярмарку, врезался в людей. 9 погибших, 48 тяжело раненых.

Какая «авария», это теракт.

Подскочила, позвонила детям.

Они дома!

Тоже смотрят новости.

Позвонила Насте, они дома. Дочка и зять хотели пойти по-

сле работы туда, на ярмарку, они там рядом работают, хотели с друзьями глинтвейна попить, но устали, домой поехали.

А если бы пошли?

Меня мороз по коже продрал.

Господи, спаси и помилуй.

Звонили и писали родные, друзья:

«Кошмар какой! Вы дома?»

«Людочка, надеюсь, с вами ничего не случилось?»

«У вас всё в порядке?? Беспокоимся из-за новостей про рождественскую ярмарку. Мы с вами».

«Ужас! Как вы? Нет слов выразить возмущение! Целуем и обнимаем».

«Вы где?»

Дома! Мы все дома...

В кабине грузовика было двое, один мёртв, второй, сидевший на месте шофёра, бежал, но его задержали у колонны Победы. «Угроза миновала».

Утром кинулись смотреть новости. Да, это теракт, мигрант (пакистанец) застрелил польского шофёра, въехал в гущу людей, 12 убитых, 50 пострадавших.

«И виноват во всём, само собой, Путин? А не их М.?» «Всё это ужасно! В сердце Берлина! Как они допустили такое?!» «Теперь они понимают, почему мы давим этих в Алеппо?» Какой ужас. Оказывается, тот пакистанец, которого вчера задержали, «не тот», а настоящий террорист укрылся в Тиргартене...

Меркель, по своему обыкновению, молчит, приехала на богослужение в церковь Памяти и потом, наверное, сделает заявление.

«Не того» пакистанца поймали в двух километрах от ярмарки, но не спецслужбы, а добровольцы гнались за ним. Пока нас уверяли, что «угроза миновала», убийца сумел уйти.

Аксель

– Если бы между ярмаркой и дорогой поставили бетонные тумбы, а не эти хлипкие заграждения, грузовик бы не...

Если бы, если бы!

Я поехал туда. Я хотел быть со всеми.

Я повторял про себя как молитву:

«Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой утёс, меньше станет Европа, и так же, если смочит край мыса или разрушит замок твой или друга твоего; смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе»²⁸.

²⁸ Эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (буквальный перевод: По ком бьёт набат), вышедший в 1940 году. Название восходит к проповеди английского поэта и священника XVII века Джона Донна, отрывок из неё и стал эпиграфом к роману.

Людмила

– Люся?

– Да?

– Почему ты так долго молчишь?

– Размышляю, как мне тебя на улицу выковырять.

– Никак.

– В кафе посидим, пирожное съедим.

– Не хочу.

– На Рождественскую ярмарку заглянем, на карусели покатаешься.

– Не хочу.

Правильно, мы теперь туда ни ногой, в отличие от мужественных берлинцев, решивших не поддаваться страху. Город не затих, не опустел, на улицах, кажется, ещё больше народа.

– Так и быть, на детскую площадку пойдём.

– Не хочу.

– А чего же ты, дорогой мой друг, хочешь?

– С тобой дома играть.

– А если мы поиграем на большой-большой детской площадке и Машу позовём?

– Хорошо. Только я сам позвоню.

Я передала ему трубку.

Мы встретились с Машей и Настей на перекрёстке «Кай-

зерайхе», у «Дуба кайзера», который был когда-то посажен в его честь.

И там же увидели Галину и Петера, остановились поговорить. Петер не одобрял Настину поездку в Турцию, как это всё-таки опасно. И посла нашего позавчера убили.

Настя возразила:

– А на ярмарку пойти в Берлине, – спросила Настя, – неопасно?

Петер не нашёл, что ответить.

Я начала про меры безопасности – рамы, тумбы, Петер сказал:

– Нет денег.

– Мы видим, – продолжала я, – это вторая Ницца, а министр внутренних дел лепит про аварию, что пока ничего неясно, панику вызывать не хотел, про Мергерет Тэтчер вспомнил, она, мол, считала, что не нужно расстраивать население.

– Да, это правильно, – сказал Петер, – не надо паниковать.

Он отошёл купить газету, а Галина выдала:

– То-то их население не знало, что творится в концлагерях, не хотели население беспокоить!

Я невольно на детей посмотрела, не хотелось нашим почемучкам после всё разьяснять. Но они были заняты своей мирной беседой.

Митя лепил про то, что он зарабатывает деньги в интернете. (Практичный товарищ. По следам папы пойдёт, Антон –

компьютерщик). Маша делилась своими достижениями:

– А я хожу в танцевальную школу. У меня-то был экзамен.

У меня есть медаль.

Митя был восхищён:

– Давай поженимся.

Маша зарделась:

– Давай.

Мы свадьбу сыграли. В песочнице. Митя включил музыку в моём телефоне, пригласил Машу и повёл её, как взрослый, в танце. Мы их поздравляли.

Они забрались в домик, где будут вместе жить, стали устраиваться.

Настя показала мне в телефоне свою новую карикатуру. Меркель, в костюме крестоносца, неслась на коне к пропасти. Внизу стоял, задумавшись, Путин, рядом со спящим медведем, которого, как советовал Бисмарк, лучше не будить.

Дети узнали и Путина, и Меркель, очень, ха-ха, получилось похоже.

Я очень смеялась... сквозь слёзы.

Настя... ну как это у неё получается? Как бы ни было тяжело, какая-то часть её всё равно остаётся радостной, а когда чувства в карикатуру выплёскиваются, возвращается оптимизм, пусть и беспочвенный, но как сказал Бернард Шоу:

У оптимистов сбываются мечты,

У пессимистов – кошмары.

Аксель

Я пошёл к сестре. Её подруга Бербель не пострадала на ярмарке, у неё лоток в торговом ряду, она продаёт свои авторские украшения из войлока, у неё тяжёлый характер и на всё своя точка зрения. Полиция ни к чёрту не годится, правительство боится, что поднимется новая волна против мигрантов, а Меркель наивная.

– Наивная?! – вскинулась сестра, она её ни на дух не выносит. – Расчётливая и... – она сбавила обороты. – Тогда понимаю, почему мы за свою Маму цепляемся. Доверчивые! Поверили в её женские качества.

– Да, нельзя сбрасывать со счетов влияние личности на ход истории. Нами правят не партии, не кланы, а какие-то личности.

– В том-то и дело, что какие-то. Если бы Личности правили, не дожили бы мы до такого.

Я их слова не воспринимал. Не представлял, что чувствует человек, избежавший смерти. Я глубоко уважал Бербель за силу характера, не знаю, что было бы со мной, окажись я на её месте. Грузовик-фура с полуприцепом въезжает на Брайтшайдплатц, пробивает торговый ряд, давит людей. Паника, кровь, покалеченные, умирающие, мёртвые.

Благодаря таким, как негибаемая Бербель, Берлин не даст себя запугать.

Беда плачивает.

Ярмарка снова открыта, на месте Беды цветы и свечи. Люди идут и идут.

– ...упустили террориста, а нас кормят уверениями, полиция вышла на подозреваемого! – Бербель, крупная, решительная, неуступчивая, была яркой поборницей справедливости, в конце 60-х (1968) участвовала в протесте о движении и не раз сталкивалась с полицией.

Своё отношение к ней она не переменяла.

– ...сокращают социальные выплаты, оболванивают народ! И те же цели сейчас преследует Евросоюз своей диктатурой.

– Это неслыханно! – вскричала сестра. – «Диктатура ЕС»!

– Да, – подтвердила Бербель, – диктатура, но иначе и нельзя управлять таким огромным союзом.

Я вспомнил про «тройку», о которой думал, что это три лошади в одной упряжке. «Святая наивность», – сказала Людмила и объяснила мне значение слова. Я тогда был озадачен, почему в Евросоюзе «тройка». Не знали про «тройку» Сталина?

– Народ – глуп, – сказала Бербель. – Нуждается в своей Мамочке.

– Мы с тобой, – напомнила сестра, – по многим пунктам сходимся, кроме этого – народ не глуп. Народ – это история, культура...

Бербель кивнула:

– Да-да, мы договорились различать два понятия: «народ» и «масса». И народная масса – консервативна. За левых голосовать не станет.

– Я буду голосовать за левых, – пообещала сестра.

– Ничего другого не остаётся.

А я останусь верен социал-демократам. Один раз, правда, я голосовал за либералов²⁹. Но они себя дискредитировали. Поэтому у них больше нет власти.

Обама был последним. Демократ – по принадлежности к партии. А по всем приметам – либерал. Излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство, мягкотелость, половинчатость, беспринципность. Полный набор.

Пока мы с сестрой готовили кофе, Бербель говорила про захватническую политику Америки. Мы отмалчивались (помня об «изюмных бомбардировщиках» и пакетиках со сладостями на парашютиках). Германия должна перестать идти у неё на поводу. Блок должен создаваться сильный: Евросоюз, Россия и Китай.

– Но мы испортили отношения с Россией! Таких дел наворотили! Наша «наивная» теперь в растерянности. Ученица Коля, архитектора Евросоюза, забыла, на каком фундаменте Коль его строил – в тесном союзе с Россией! И её ошибки сотрясают мир.

Сестра разложила пирожные, налила кофе, спросила, может, чего покрепче?

²⁹ FDP – Свободная Демократическая Партия.

– Покрепче.

Мы выпили коньяку и продолжали слушать про публичное сознание, которое, ни больше, ни меньше, помрачённое сознание, мастерское спекулирование нашим сознанием, извращение перспективы из-за Крыма, из-за гражданской войны на Востоке Украины, из-за Сирии и Ирака (Ангела Меркель в своё время был за эту войну, как и Хиллари Клинтон, но Клинтон потом извинилась, Меркель – нет). Туманно говорится о распаде глобального порядка, расплывчато – о войне против Исламского государства, вяло – о страхах перед военизированными мусульманами.

При этом угроза Исламского государства, практика пыток и сам украинский конфликт маркируют фатальные ошибки и заблуждения американских политиков. Назвать Путина *Мировым врагом номер один* – это триумф лжи, целенаправленных коммуникаций.

Никто из политиков, никакие СМИ, сформировавшие общественное мнение – никто! нигде! – не говорит о скандалах NSA. Бесцеремонность, с которой США защищают своё право на полное контролирование мировых коммуникаций, признана *de facto*.

Это удар по цивилизации. Это так возмутительно, что заслуживает жёстких санкций сообщества государств против США.

– Cheers! – сказала сестра.

Я было хмыкнул, но потом подумал, а почему бы и нет?

Великие кризисы несут на себе неизменно американский почерк. Что Исламское государство в Сирии и Ираке смогло возрасти, натворили США – благодаря трём войнам. В первой, с 1980 по 1988 год, Америка воодушевила диктатора Саддама Хуссейна к походу против Ирана, помогла ему изготовить и использовать химическое оружие. Во второй войне, когда Саддам напал на Кувейт в 1991 году, потому что верил, США стоят на его стороне, ираец был пощаждён. Только в третьей войне 2003 года он был свергнут, а Ирак так разрушен, что сунниты, подкармливаемые США и их арабскими союзниками, которые должны были удерживать шиитский Иран, вновь смогли организовать в Исламское государство, ещё куда более опасное. Оно завладело не только американским оружием, но и остатками химического, которое в своё время было вручено Саддаму.

Американцы обнаружили остатки в 2003 году, когда брали Ирак, засекретили обнаруженное, а при отходе просто оставили всё там, где лежало. Ну а Исламское государство воспользовалось ядовитыми газами.

– Одним словом, янки, – подытожила сестра.

Но Бербель ещё не выговорила:

– И за конфронтацию с Россией США несут ответственность. Весь нынешний конфликт с Украиной вызревал в 2008 году. На встрече НАТО в Бухаресте США потребовали включить Украину и Грузию в Западный союз. Наше прави-

тельство воспротивилось расширению НАТО на Восток. И Штайнмайера³⁰

³⁰ Министр иностранных дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.